

Принять свою
стихию в мире
драконов

Жемчужина Дракона

Марина Романова

Trendbooks magic

Марина Романова
Жемчужина дракона

«Издательство CLEVER»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус) 6

Романова М.

Жемчужина дракона / М. Романова — «Издательство CLEVER»,
2023 — (Trendbooks magic)

ISBN 978-5-00211-274-6

Ивлин Игнэ – проклятая всеми дочь предателя. По вине ее отца погиб император, а она лишилась магии и памяти. Ивлин знает, что ей никогда не стать наследницей рода огненных эвейев. Она также знает, что оказалась в храме Двенадцати Парящих по ошибке. Ей не место в ближнем круге будущего императора Китарэ. Почему же тот уверен, что Ивлин замкнет магическую нить, от которой зависит спокойствие империи?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00211-274-6

© Романова М., 2023
© Издательство CLEVER, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Марина Романова Жемчужина дракона

Иллюстрация на обложке © Елизавета Извекова (Miorin)

Иллюстративные элементы в книге использованы по лицензии © Shutterstock

CLEVER
•издательство•

© Марина Романова, 2023

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

Пролог

– Что это за место, отец? – Маленький мальчик в шелковом темно-зеленом кимоно, расшитом золотыми и серебряными узорами, с интересом взирал на величественную крепость, что, словно каменный гребень великого дракона, затерялась среди густых непролазных лесов.

Никогда прежде малыш не чувствовал себя таким взрослым и важным. Впервые отец взял его в столь длительное путешествие в сопровождении личной гвардии и приближенных. Впервые он путешествовал, самостоятельно сидя в седле. Юному наследнику нравилось представлять себя взрослым воином, который со своей армией отправился в поход. Пусть это было и совсем не так.

Крепкая мохнатая лошадь нервно всхрапнула под мальчиком, мигом вернув того в реальность и заставив крепче сжать бока животного ногами. Хотя и тут не все было просто. Вряд ли Бину, а именно так звали лошадку, даже почувствовала его усилия.

– Это? – чуть улыбнулся император.

Мальчик с восхищением посмотрел на отца снизу вверх. Отец казался ему таким большим, невероятно сильным. Темная походная одежда, металлические наручи и такой же нагрудник из блестящего металла, на котором кружились в своем вечном танце двенадцать парящих позолоченных драконов. Отец твердо удерживал коня. Тот даже и подумать не мог, чтобы неосторожно двинуться или ослушаться наездника. Да что там конь, никто в империи не посмел бы пойти против его воли.

– Одна из жемчужин твоей империи, – сказал император, кивнув кому-то, и их процессия начала медленный спуск с горы по направлению к величественной крепости северных земель. – Крепость дома Игнэ, сын. Здесь живут огненные звейи.

– Здесь? – Брови мальчика изумленно взлетели вверх. – Что им тут делать? Тут же так холодно!

– Здесь не так холодно, как могло бы быть, – усмехнулся мужчина. Чуть наклонившись, он поправил меховой плащ сына, поплотнее запахнув его.

– Да не холодно, – фыркнул мальчик, – лето же!

– Вечереет, – усмехнулся отец, – а тут даже летом ночи куда холоднее, чем в Мидорэ зимой.

– А зачем мы приехали? – с любопытством вертя головой, поинтересовался мальчик.

Вдалеке виднелись горы-великаны. Их снежные шапки упирались в небосвод, не давая бескрайнему небу обрушиться на землю. Юному наследнику все здесь казалось немного чересчур: лес такой, что конца и края не видно, горы столь высоки, что страшно представить, каково это – забраться на самый пик, небо – точно бескрайняя синева выплеснулась на огромный холст.

– Хм, – вздохнул император, – позволь мне говорить с тобой как с мужчиной, Китарэ-эй, – официально обратился он к мальчику, который, казалось, еще только вчера начал делать первые шаги у него на глазах.

– Конечно, Ваше Величество. – Принц чуть поклонился, а сам император едва сдержал улыбку.

– Здесь живет эвей, который очень давно стал частью Жемчужного Ожерелья императора Артакии.

Он мой друг, моя опора и тот, кого я по праву могу считать братом. И сейчас мне нужны его помощь, сила и совет, Китарэ-эй.

Голос отца мог ронять молнии на тех, кто посмел разгневать его. Но иногда – вот как сейчас – он становился теплым и тягучим, точно пряный мед под лучами полуденного солнца. Китарэ млел в такие моменты. Ему казалось, что отец необыкновенный, сильный и умный. Ему все по плечу.

– Отец!

– Да?

– А у меня тоже будет... такой друг?

– Все эвейи, что однажды войдут в твою Нить, станут таковыми, сын.

Еще у подъезда к крепости маленький принц заметил высокого мужчину, что преградил путь их процессии. Из всех, кого знал Китарэ, его отец был самым высоким и сильным эвейем. Но этот эвей, волосы которого были не просто черными – как у большинства артакийцев, кроме его отца, конечно, – но и отбрасывали алые всполохи, казался исполином. Его волосы были собраны в тугий пучок на макушке. На ярко-алом кимоно в причудливом танце переплелись золотые драконы, к широкому поясу приторочен меч. Вид этот человек имел весьма дерзкий. И Китарэ даже невольно позавидовал ему: с каким достоинством умеет держать себя этот Игнэ!

Не успел мальчик поразиться тому, как посмел этот посторонний вооруженным предстать перед его отцом, как мужчина улыбнулся, а отец тут же дал команду остановиться. Одним сильным движением император спрыгнул с коня и направился к мужчине. Китарэ едва не открыл рот, когда этот гигант сгреб отца в свои объятия! Никто не смел прикасаться к императору! Никто! Даже мама не позволяла себе ничего подобного, тем более прилюдно! Но, кажется, кроме Китарэ, это больше никого не беспокоило.

– Сын, подойди, – вдруг позвал отец, продолжая смеяться и кивать чему-то, разговаривая с этим странным мужчиной.

Мальчик, немного негодуя, все же сумел самостоятельно спуститься с лошади, отвергнув помощь слуги. Если его отец может, то и он сделает все сам! Пусть этот гигант видит, какой сын у его друга!

– Познакомься, сын, – протянул ему руку отец, – мой названный брат Ниром Игнэ.

Китарэ никогда раньше не видел, чтобы отец улыбался так открыто и радостно, как сейчас.

– Весьма рад, – слегка поклонившись, сказал мужчина. Голос его оказался глубоким и рокошущим, он вдруг чуть отошел в сторону, а за его спиной стояла маленькая девочка.

Китарэ было уже семь весенних оборотов; сколько оборотов той, что с увлечением сейчас ковыряла в носу, он судить не брался. Может быть, пять? Четыре?

– А это юная Ивлин Игнэ, – вновь пророкотал мужчина.

– Кажется, скучать тебе не придется, – усмехнулся император. – Что ж, пройдемся, – кивнул он своей свите, давая знак, что отсюда и до крепости пойдет пешком.

Китарэ никогда не видел, чтобы отец хотя бы раз входил в ворота чужой крепости пешком. Несмотря на юный возраст, он понимал, что это небывалое почтение к хозяину дома!

Его отец и загадочный огромный Ниром Игнэ уже направились в сторону крепости, когда к самому Китарэ подошла девочка в идеально чистом платье, с туго заплетенными косами, но все еще с упоением исследующая содержимое своего носа.

– Привет, – сказала девочка и беззубо улыбнулась.

– Привет, – немного нерешительно ответил принц. Говоря откровенно, дети, конечно, с ним общались и играли, но за все его семь оборотов никто ни разу не позволил себе не то что сказать ему «привет», но и сделать это, ковыряясь в носу.

– Пойдем? – Наконец достав искомое, утомилась она и тут же вытерла пальцы о складки своего прекрасного нежно-голубого платья.

– А? – На самом деле принц пытался выдохнуть так, чтобы показать свое отвращение к произошедшему. Но, похоже, был неверно истолкован.

– Пойдем. – Решительно схватив за руку, эта малявка потащила его за собой. – Папа сказал, что тебе может быть не по себе, потому что ты тут никого не знаешь и у тебя нет друзей. А еще он сказал, что, возможно, ты будешь скучать. – Она с интересом глянула на него и опять беззубо улыбнулась. – Но ты не переживай, я все придумала, – заверила она. – Ну, не все сама, но Рэби сказал, что тебе понравится. Так что скучно не будет. Ты есть хочешь? Даже если хочешь, пока рано, и Тильда не даст. Но нам надо переодеться! – Она подняла вверх указательный палец. – У меня не так много красивых платьев. Это мне очень нравится, а я могу его заляпать или порвать...

Китарэ-эй, юный наследник империи эвейев, был настолько шокирован подобным панибратством, общением, прикосновениями, что все, на что нашел в себе силы, – это уныло тащиться за этой девчонкой, которая, судя по всему, своей добычи упускать не привыкла. А самое удивительное, он не испытывал ни гнева, ни раздражения. Ему было интересно.

Неделю спустя

– Где мы? – выйдя на берег лесного озера, спросил мальчик у девочки, что, как и он, была в простых брюках и рубашке. Вот только Китарэ не привык к прохладе и потому сверху надел куртку, подбитую мехом.

– Папа говорит, что здесь эвей и его дракон могут стать единым целым, что тут Полотно тоньше и можно напрямую черпать силу от того, кем ты выбран. Не знаю, но самое интересное тут происходит по ночам. – Она пожала плечами, пригладив грязной ладошкой выбившиеся из косы волосы.

– По ночам? – поинтересовался мальчик.

Никогда прежде он не ощущал себя таким исследователем, как после знакомства с этой девчонкой. Никогда прежде ему не было настолько интересно каждую минуту рядом с кем-то. Всего неделя прошла, а его сердце всякий раз с сожалением замирало при мысли о том, что, возможно, уже завтра придется, как раньше, облачиться в шелковое кимоно, заплести волосы в тугой узел, вновь надеть все надлежащие его положению регалии и навсегда покинуть крепость Игнэ.

– Да, – кивнула она. – Садись. – Бросив на землю замусоленный коврик, Ивлин улыбнулась. – Сейчас уже начнется.

А Китарэ вдруг подумал, что хоть у нее и нет двух передних зубов, но она очень даже симпатичная.

Ждать пришлось недолго. Совсем скоро небо потемнело, несмело выглянул полумесяц, и над посеребренной водной гладью вдруг зажглись тысячи крошечных звезд. Каждая такая звездочка кружилась в своем замысловатом танце, выводя странную беззвучную мелодию чуда.

– Что это, Ив?

– Звезды, – прошептала она.

– Неправда, – усмехнулся он.

– Неправда, – подтвердила она, пожав плечами, и достала из сумки прозрачную склянку. – Я поймаю тебе звезду, принц, – шепнула она и бесшумно двинулась вдоль берега. Но вскоре вернулась. И в склянке теперь кружилось несколько крошечных звездочек. – Это подарок.

Она протянула ему сосуд, и только сейчас Китарэ разглядел, что там летают вовсе не звезды, а крошечные светящиеся жуки. Когда он взял банку в руки, то вдруг отчетливо понял, что еще никто и никогда не дарил ему таких подарков: не заказанных у лучших мастеров мира, не дорогих и роскошных, не холодных драгоценных побрякушек, а простых и искренних. Таких, что подарила эта маленькая чумазая девочка, сумевшая сделать его искусственную жизнь во дворце Мидорэ настоящей. На самом краю империи, в непролазных северных лесах, она подарила ему воспоминание.

Сон, которого никогда не было...

Я знала его еще с тех пор, когда не была знакома с собой. Он остался в моей жизни видением, шлейфом, сотканным из образов и ощущений, сном, который вел меня за руку всю мою сознательную жизнь. Я знала его с тех самых пор, когда меня еще не было в этом мире. Мое тело помнило, как он забрал огненную, жгущую боль. Но мое сознание стерло его образ из памяти, оставив лишь тихую летнюю ночь. Небо, на котором раскинулось великое множество ярчайших звезд. Мой сон – это темные воды лесного озера, что окутывают не просто обожженную кожу, в них тоню я сама. VI кажется, что это великое счастье – погрузиться на дно и остаться в его глубинах навсегда. Мой сон – это крепкие руки, что уверенно держат мою голову и грудь на поверхности, даря возможность дышать. Это белое пламя, что то и дело возвращается, слизывая остатки плоти с костей...

Но я дышу. Я живу... Каким-то непостижимым образом я продолжаю держаться за этот мир, потому что вижу перед собой глаза, так похожие на спасительный лед. Молод его ясно-голубых глаз – это спасение. Там, на самом их дне, кружатся неведомые мне вихри, сотканные из силы, покоя и уверенности, что все непременно будет хорошо.

В какой-то момент я пытаюсь ухватиться за его промоющую насквозь рубашку, но мои руки дрожат и не слушаются. Я не могу согнуть пальцы. Я не могу произнести ни слова. Звезды кружатся над самой гладью лесного озера, бросая причудливые нежно-голубые блики на его прекрасное лицо.

Я боюсь даже представить, что осталось от меня, что он продолжает удерживать над гладью воды. Мочется попросить его отпустить... Но из моего горла доносится лишь невнятный хриплый шепот.

– Никогда, – шепчет он тихо, но твердо.

Я молю об избавлении. Почему-то сквозь боль и ужас я уверена, что ничего уже в моей жизни не будет хорошо. Ничего и никогда. Исчезнет все. Исчезнет он. Исчезну я. Но кто такая я и кто такой он? Я не знаю.

– Не забывай, Ив, не забывай...

Просит он, а в его руках вдруг загорается удивительно яркая белоснежная звездочка. Ее сияние ослепляет. Оно пугает меня. Свет, огонь, боль... И эта крошечная звездочка вдруг превращается в каплю или, быть может, кристалл. Он соскальзывает с его пальцев, падая на мою обожженную грудь, и, мне кажется, с тех самых пор я окончательно перестаю существовать. И лишь шепот сквозь тихий шорох волн.

– Но ты забудешь... А совсем скоро забуду и я...

Глава 1

Ничего уже не будет. Осознание этой мысли приходит тяжело. Для того чтобы это понять, недостаточно погрузиться у окна, глядя, как плачет дождь, стекая грузными каплями по прозрачной глади стекла. Это совсем не похоже на внезапное чувство одиночества в кругу, казалось бы, близких людей. Для того чтобы это прочувствовать, надо сгореть и возродиться вновь в теле, которое кажется чужим даже спустя годы. Отчаяние – это совсем не то, что описывают в книгах, когда героя разрывает от боли и тоски. Бывает и по-другому. Оно коварно. Незаметно блуждает в толпе незнакомых людей, укрывает тебя плотным одеялом, сотканным из глухой и непонятной тоски, каждую ночь баюкая в своих объятиях. И, засыпая, ты все еще чувствуешь, как кровотоцит сердце.

Оно продолжает болеть, когда ты учишься заново ходить, когда в первый и последний раз смотришь на свое отражение в зеркале, когда незнакомые люди отводят взгляд, стоит тебе попытаться с ними заговорить. В один самый обычный день ты перестаешь это делать. Боль в теле уходит, и остаются лишь тлеющие угли там, где принято указывать на сердце.

Отчаяние бывает тихим и тягучим, оно осторожно заполняет каждую клеточку твоей души, и однажды ты просыпаешься посреди ночи, понимая, что тебе просто нечем дышать. Странные приступы, от которых невозможно избавиться. Порой кажется, что ты уже очень давно лежишь на дне лесного озера, его темные воды укрывают тебя от солнечных лучей, шума голосов, лепета птиц, шороха ветра. Ты лежишь в этой беспросветной глубине, но почему-то остаешься в сознании.

Это мой мир. Мир, в котором я уже очень давно существую под толщей темной воды тихого озера, наполненного тоской и болью. Иногда, очень редко, меня касаются лучики скупого солнца. Я чувствую их. Эти мгновения кажутся мне сокровищами, что жизненно необходимо сохранить и спрятать. Чтобы однажды стылой зимней ночью я могла согреться, вспоминая их, или перестать задыхаться и справиться с темными кругами перед глазами, когда кажется, еще немного, и тьма просто раздавит меня. Иногда мне снится странный сон... Возможно, что это действительно обрывки прошлого, о коем я совсем не помню. В этих снах мне так больно, что я не могу осознанно смотреть на мир вокруг. Кажется, что всюду ненасытное пламя, оно слизывает своими языками мясо с моих костей. Я была бы рада закричать, но не могу сделать и вдоха. И все проходит с тихим голосом, что забирает боль, укутывая меня в странный кокон, сотканный из безмятежности и покоя. Он просит, чтобы я помнила, чтобы не смела забывать. Но я слышу в нем грусть и тоску и точно знаю: он не верит, что сохраню эти воспоминания. Мне хочется заверить его, что ни за что не забуду! Но я уже не помню, кто он... Кто же он? Лишь яркие звезды, что кружатся в небесной темноте... Вот, пожалуй, и все, что мне таки удалось запомнить. Жаль.

Блок. Удар. Разворот. Удар. Перекат. Очередной блок. Треск ломаемой палки. Ты совершенно не обращаешь на это внимания. Не имеет значения, даже если у тебя теперь вместо одного шеста два коротких.

Ты продолжаешь бой так, как если бы от этого зависела твоя жизнь. Лучшее лекарство от тоски – это боль, что выбьет из тебя остатки сил, которые нужны на то, чтобы жалеть себя. Каждый раз я дерусь так, как будто еще миг, и я перестану существовать. Неважно, тренировка это или всерьез, я всегда буду гореть. Пусть пламя и оставило мое тело, но не душу. Я никогда не смогу избавиться от этого.

– Бешеная, – шипит наставник, когда я под немыслимым углом ухажу от его удара, тут же разворачиваюсь и бью, не глядя ни куда, ни как это может ему навредить.

Я никогда не буду жалеть того, кто решил поднять на меня оружие. Ярость, что беспомощно тлеет в моем сердце, знает лишь единственный способ насытиться и уснуть – отдать всю себя без страха, без сожалений. И пусть он сильнее, а один его точный удар в солнечное сплетение выбивает воздух из моих легких, заставляя харкать кровью на едва выпавший снег, это не имеет значения. В следующий раз я стану лучше. Стану сильнее. Кровь будет не моей.

– Сумасшедшая девка, – прошипел он, протягивая мне руку, чтобы я могла подняться с колен, прекрасно понимая, что я ее не приму.

– Заживет. – Сплюнув кровь и проигнорировав его ладонь, заставила себя подняться на ноги. Ноги – моя слабая сторона. И неважно, что они покрыты шрамами. Хуже то, что тогда же были задеты и мышцы. Стоит перетрудить левую ногу, как ее начинает сводить.

– Будь ты парнем, какой бы эвей получился! – тяжело вздохнул Рэби. – То, что так давно надо дому Игнэ.

– Какая разница, какого я пола, – хмыкнула я, посмотрев в глаза наставнику. – В моем случае это не имеет значения, сам знаешь. Да и полноценным эвейем мне не стать, – фыркнула я, отбросив черные пряди за спину. – Еще? – изогнув бровь, поинтересовалась я, выразительно подкинув остатки шеста в руках.

– Нет уж, – отмахнулся Рэби, потирая ушибленную совершенно лысую голову, – и так рог с минуты на минуту вырастет, только второго мне не хватало. Да и госпожа велела, чтобы ты зашла к ней, как только минует час крысы. Так что не сегодня, – покачал он головой.

– Что, опять? – Тяжело вздохнув, я швырнула сломанную палку к стене и стала разглядывать собственные брюки. Стоит заскочить на кухню и почистить.

– Не о штанах бы переживала! У тебя губа разбита, – заметил Рэби так, будто это не он совсем недавно мне эту губу рассек.

Конечно, может показаться странным, что я вообще выдержала напор почти двухметрового мужчины больше и мощнее меня. Но Рэби – человек. А я хоть и бракованный, но эвей. Человек, в чьих венах течет кровь одного из двенадцати богов-драконов. Стало быть, я смогу быть куда сильнее его, особенно когда обрету силу крови и рода. Но не думаю, что в моем случае это возможно. Я не человек и не дракон – так, урод какой-то. Иногда я спрашиваю себя: кто я? Есть ли у меня ответ на этот вопрос? Не знаю. Я не знаю и не хочу знать себя. Моя ярость – вот все, что заставляет чувствовать себя живой, настоящей, полноценной. Больше у меня нет ничего. Наверное, однажды я умру, защищая остатки родовой крепости или в очередной войне империи. Так определенно будет лучше: для такой, как я, в этом хотя бы будет смысл. На остальное я не претендую.

Опустив ладони в ледяную воду, чтобы смыть кровь и грязь перед встречей с тетушкой Дорэй Игнэ, я невольно поморщилась, только сейчас осознав, что костяшки пальцев тоже разбиты и кровоточат. Вдохнув сквозь сжатые зубы, я подумала, что, будь я полноценным эвейем, таких проблем бы у меня уж точно не было. Но я скорее умру, чем стану такой... Жаль.

На кухне вкусно пахло сдобой и только что сваренным супом из тех зайцев, что я подстрелила утром. Хорошо бы поесть перед встречей с тетушкой, потом при всем желании кусок в горло не полезет. Но час крысы уже настал, а хуже встречи с теткой может быть только опоздание на нее. Умывшись, я промокнула лицо куском полотна, что заботливо оставила Мэйс. Она знает, что после тренировки я непременно загляну. Оправила куртку и плащ, протерла

сапоги и, решив, что лучше уже не будет, направилась к той, чьей племянницей я являюсь по недоразумению природы и Двенадцати Парящих.

Дорэй Игнэ, скажем так, старшая рода Игнэ с тех самых пор, как мой ненормальный папаша спалил к демонам добрую половину родового замка, ну и меня заодно. Как я выжила? Кто бы знал. От пламени огненного эвейя не защищают ни заклинания, ни стены. К слову сказать, стен от восточного крыла и не осталось. Сейчас эта часть родовой крепости напоминает огарок свечи, что по непонятным причинам притулилась рядом с замком одного из величайших родов империи. Ну ладно, величайшими мы были ровно до того момента, как у моего отца поехала крыша. Хотя бы в мыслях я могу называть вещи своими именами. Дорэй считает, что его околдовали или же он слишком долго не использовал силу и она просто свела его с ума. Так она говорит. Что думает на самом деле? Думаю, это известно лишь Парящим.

Хотя даже я понимаю, насколько бредово звучит подобная версия.

Как бы там ни было, пятилетняя дочь Ниромы Игнэ, рожденная в браке не пойми с кем или без одного, поскольку имя моей матери под запретом, выжила. Как? Ну, чудеса случаются. Изуродованная, не помнящая ни себя, ни своего отца, ни того, что произошло, она заново училась ходить, дышать, жить. Как у нее, то есть у меня, это вышло? Так себе, если честно.

Ах да, отец мой заодно спалил и императора. Вот ведь неугомонный! Вопрос о том, почему наш род все еще продолжает влачить свое жалкое существование, как и о том, почему нас всех земля еще носит, стоит задать моей тетке. Она может придумать что-то более-менее внятное. Я правдоподобных причин не нахожу.

На миг замерев у входа в покои Дорэй, я все же набрала в грудь побольше воздуха и постучала.

– Войди, – грубое и холодное, как и вся Дорэй, когда ей приходилось иметь дело с кем-то вроде меня.

Решительно потянув дверь на себя, я переступила порог, ведущий в лучшие покои этого дома, и услышала насыщенный аромат розовой воды и разогретой на солнце травы. Несмотря на царивший за стенами холод, я ощутила сильный жар, как если бы в комнате было сразу несколько открытых очагов пламени, но здесь была лишь Дорэй. Идеальная с головы до пят, она сидела у окна в своем любимом кресле и, казалось, с интересом изучала раскинувшийся за окном пейзаж: темное покрывало лесов, извивающуюся змеей реку, что спускалась в долину с гор, плотной стеной закрывавших наши земли от врагов с севера. Их белоснежные шапки словно держали на себе небеса. Как бы мне хотелось увидеть их чуть ближе...

– Ты опоздала, – хмыкнула Дорэй, оправив несуществующие складки на верхнем шелковом алом кимоно. На нем были вышиты ветви рябины и странные маленькие птички с розовыми грудками, что, казалось, вот-вот взлетят, стоит этой вечно молодой и прекрасной женщине пошевелиться. – Впрочем, – изогнув идеальную бровь, скривилась она, – чего удивляться, когда речь о тебе. – Пренебрежительно изогнув губы, она покачала головой. – Не могу поверить, – зло прошипела она, решительно поднимаясь со своего трона и направляясь ко мне.

Как бы я ни относилась к этой женщине, не признать ее совершенства не могла. Высокая, стройная, всегда с идеально убранными волосами и ухоженным лицом. Медовые локоны водопадом спускались по плечам к пояснице. Гребни, которыми она их закалывала, превосходно подходили к платью, заставляя его выглядеть еще дороже и совершеннее. Черты лица мягкие и нежные, будто созданные для того, чтобы услаждать мужской взгляд. В этом была вся Дорэй Игнэ – обманчиво нежная, лживо добродетельная и поверхностно прекрасная.

– На, – сунула она мне в руки свернутый трубочкой лист бумаги, – собирайся. Завтра выезжаешь.

– Что? Куда? Зачем? – путаясь в мыслях, попыталась я подобрать правильный вопрос.

В тот же миг щеку обожгло острой жалящей болью. Одно дело, когда тебя бьет Рэби. Он человек. Его удары – это боль и только. Удар огненного эвейя – это живое пламя, что

нападает на тебя, и лишь в его воле решать, укусит оно тебя, слижет плоть с костей или вовсе не причинит вреда, лишь дав почувствовать свою силу.

– Позор, Парящие, вот это позор! Великий род Игнэ – и ты! – почти прошипела она, в то время как я не могла найти в себе сил даже пошевелиться после прикосновения к ее пламени. – Мой сын – и ты! – Она нервно потерла переносицу. – Бога ради, да отомри ты уже! Или даже читать разучилась?

Я не могла разжать пальцы. Не могла пошевелиться. «Стоять. Дышать. Стоять. Дышать», – все, о чем я могла думать в этот момент.

Огонь. Он пожирает меня. Кожа вздыбливается волдырями и лопаются. Боль везде. Нет места, где нет боли. Она повсюду. Она – это я. Я слышу запах жареного мяса и паленой шерсти. Это пахнет от меня.

– Завтра, поняла? И помни, ты Ивлин Игнэ. Если опозоришь свой род... Тебе лучше не знать, что будет! – выплюнула она мне в лицо, указав рукой на дверь. – Пошла вон с глаз моих, – напоследок сказала она, когда я на негнущихся ногах вышла за дверь.

Кое-как добрела до угла в коридоре, опустилась на колени, зажала голову руками и начала потихоньку вдыхать и выдыхать. Легкие отказывались работать.

Это, пожалуй, самое смешное во мне: потомок рода огненных эвейев боится огня. Хотя слово «боятся» не совсем подходит, по-моему. Огонь забирает способность дышать, двигаться, осознавать. Когда рядом со мной открытое пламя, я просто исчезаю из этой реальности, проваливаясь в неясные пугающие воспоминания, в которых есть место лишь боли и страху. Когда Дорэй прикасается ко мне, это всегда очень больно. Раньше я каждый раз теряла сознание, теперь, став старше, меня всего лишь тошнит в коридоре, где я пытаюсь заставить работать свои легкие. Не возьмусь судить, что лучше. Самое забавное, что Дорэй прекрасно знает, как ее огонь действует на меня, а отсюда следует самый очевидный и простой вывод: она делает это намеренно.

Наконец придя в себя, я поднялась на дрожащих ногах и нашла в себе силы взглянуть на изрядно помятую бумагу, что с силой сжимала все это время.

– Не здесь, – прошептала я себе под нос и поковыляла в сторону собственной спальни.

Да, мое положение в доме Игнэ было неоднозначным. Честно сказать, когда я была ребенком, то не особенно задумывалась, почему все именно так. Дети Дорэй приходились мне двоюродными братом и сестрой, но если посмотреть на семейное древо, то теоретически я дочь старшего эвейя семьи, а стало быть, наследница рода... Но, как вы понимаете, теоретически мой отец убил императора. Ну, практически он его тоже убил, конечно, но, как бы там ни было, он якобы не отдавал себе отчета в том, что творит. Так или иначе, меня почему-то не четвертовали, и стоило бы этому порадоваться. И я вроде бы глава рода... Честно говоря, даже когда я мысленно называю себя – воплощенное недоразумение – наследницей, мне всякий раз кажется, что я слышу лучшую шутку в мире.

Однако если следовать тому, как должно быть, то я старшая дома, несмотря на то что по возрасту самая младшая. Но в реальности я всего лишь приживалка, которую почему-то не казнили за «заслуги» отца. Говоря откровенно, есть два вопроса, на которые я не могу найти подходящего ответа. Первый: почему Дорэй терпит мое существование? Хорошо, пока я не обрела силу крови, я не опасна для нее. Но стоит мне стать полноценным эвейем, как я в тот же день могу отрезать ее ветвь от дома Игнэ. Возможно, Дорэй не верит, что однажды я смогу пробудить свою силу. Но, на мой взгляд, это не может считаться стопроцентной гарантией ее положения. Последние годы я просто не понимаю, почему до сих пор жива. Что заставляет Дорэй сохранять мне жизнь?

Ну и второй вопрос касается моей матери. Если слухи верны, то моя мать была прислугой, обычной женщиной, которую захотел и взял Ниром Игнэ, а потом родилась я. Само по себе это маловероятно, поскольку не каждая женщина-человек способна выносить ребенка эвейя.

Чаще всего, если беременность все же случается, от нее стараются избавиться. В противном случае женщина умирает еще в первые месяцы беременности. По слухам, которыми полнятся родовые земли Игнэ, моя мать сгорела на последнем месяце... Ну как же без этого, учитывая кровожадность и ненормальность моего отца.

Но я в это не верю. Я, эвей, и то не могу вынести обычную пощечину Дорэй! Как же обычный человек может выдержать, когда внутри него пламя обретает плоть? Это невозможно! Во всяком случае, ни один житель Турийских лесов не верит, что я не бастард, а стало быть, ни о каком уважении речи не идет. Для всех Ивлин Игнэ – незаконнорожденная дочь Нирома Игнэ, который зачем-то внес ее имя в семейный реестр, сделав наследницей в том случае, если она обретет силу рода. Что сказать, смех да и только!

Дорэй сейчас формально глава рода Игнэ. На деле же она всего лишь управляющая. У моей тетки нет способности призывать своего дракона в этот мир. Как это ни странно, но и эвейи не все одинаковы. Есть те, кто способен брать силу крови и использовать ее, проводя ритуалы и подчиняя стихию. Они точно проводники меж двух миров, но сами не способны провалиться на другой слой, чтобы стать одним целым со зверем, что, в свою очередь, выберет их. На такое способны лишь сильнейшие. Не знаю, если честно, как это определяется. Возможно, и впрямь по очередности рождения? Но только те, кто может призвать зверя и облечь его в плоть, могут стать главами своих родов и войти в Жемчужную Нить императора.

Мои двоюродные брат и сестра готовятся к тому, чтобы пройти ритуал обретения и единения. Каждый эвей, достигший возраста восемнадцати оборотов, должен явиться в храм Двенадцати Парящих драконов и пройти подготовку. Мне почти двадцать, и, как вы понимаете, Дорэй даже помыслить не может о том, чтобы я попала в храм. Ну хорошо, я тем более этого не желаю. Меня вполне устраивает то, как я живу сейчас. Большого я просто не вынесу. Однажды я покину земли Игнэ и наконец забуду о том, чья кровь течет в моих венах.

Открыв дверь в свою комнату, которая более всего напоминала каморку для швабр как своим размером, так и содержимым, я устало опустилась на брошенный в углу матрас. Спать я не собиралась, но надо дать отдых ногам. А еще хотелось узнать, что за безумный всплеск устроила Дорэй, пока не зашло солнце и я могла разобрать, что написано в письме. В моей комнате никогда не было ни свечей, ни ламп. Думаю, понятно, почему я так живу. Расположившись так, чтобы лучи угасающего солнца падали мне со спины, я осторожно развернула письмо. Несколько минут я не могла понять, что за ерунда происходит в этом мире!

«Измена».

«Уклонение от долга крови».

«Угроза императорскому дому».

«Немедленно предъявить».

Строчки плясали перед глазами, а я никак не могла осознать, что от меня требовали и в чем обвиняли. Еще раз вдохнув поглубже, я начала читать с самого начала:

«Уважаемая иса Дорэй Игнэ, Совету Двенадцати Парящих стало известно, что под вашим крылом продолжает находиться наследник безвременно почившего Нирома Игнэ, члена совета Двенадцати, угасшей жемчужины Нити императора. Согласно данным Совета, наследник Ивлин Игнэ уже два оборота как достиг возраста, когда ему положено ступить на путь его Души и Предназначения. Совет не видит ни единой достойной причины тому, что юный Игнэ отказывается прибыть в храм для прохождения положенного ему обучения и подготовки. Вам ли не знать, иса, как и чем может обернуться подобное пренебрежение и уклонение от исполнения долга крови. Вам делалось неоднократное предупреждение! Впредь Совет будет расценивать как измену и угрозу императорскому дому ваше нежелание представить Совету юного Игнэ. Настоятельно советуем вам немедленно предъявить наследника, в про-

тивном случае мы посчитаем своим долгом напомнить вам о тех условиях, что поднимались нами ранее».

– О нет, – только и смогла пробормотать я, понимая, что, пожалуй, с этим письмом наступает закономерный конец моей толком не успевшей начаться жизни.

Глава 2

– Стоило заранее предупредить, что ты та-кой красавчик, и я бы не стала так капризничать, договариваясь о встрече. – Губы женщины, что сейчас сидела на расстеленных шкурах перед ним, изогнулись в похотливой усмешке. – Совсем еще юный бог, зачем ты пришел ко мне? – поинтересовалась она, небрежно откинув волосы, на кончиках которых откликнулись перезвоном десятки золотых монет, за спину. – Будущее? Прошлое? Настоящее? – перебирала она, пока ее пальцы тянулись к отложенной на маленькое стеклянное блюдце трубке.

Нарочито медленно она поднесла ее к губам и сделала вдох, прикрыв глаза. Казалось, она поистине наслаждается дымом, что растекся на языке, а после столь же медленно выпустила его, окутывая свое лицо неясной дымкой.

Сладковатый запах дурманящих трав заполнил шатер, но мужчину, что сидел сейчас напротив, это совершенно не беспокоило. Он и впрямь казался кем-то нереальным: немного хищное выражение лица, раскосые глаза цвета льда и капли, белоснежные волосы, убранные в высокую косу, делали его особенно непохожим на любого кочевника, что был в этом племени. От его взгляда у женщины замирало сердце. Рядом с таким мужчиной не хотелось смотреть по другую сторону Полотна. Хотелось смотреть на него, прикоснуться к нему. А еще лучше, если бы он прикоснулся к ней. Такой холодный, но такой непостижимо обжигающий.

– Время.

– Время, – с улыбкой повторила женщина. – Почему тебя интересует то, чего не существует? Времени всегда нет. Все это знают, и никто не понимает. Неужели нет вопросов поинтереснее? Прошлое? Хочешь, расскажу о прошлом, ведь оно куда интереснее настоящего? А еще от него зависит будущее... твоё, её, наше...

Женщина засмеялась, а Китарэ впервые подумал, что зря решился на встречу с грезящей, что так славится среди кочевых племен. «Обычная одурманенная девка», – со злостью подумал он, равнодушным взглядом скользя по фривольному наряду женщины, состоящему из кусков легкой ткани, которые совершенно не оставляли пространства для воображения.

Женщина вдруг резко оборвала смех и остро взглянула на мужчину, что сидел перед ней. Ее ярко-зеленые глаза, казалось, вдруг стали обителью для чего-то иного и чуждого этому миру.

– В тебе чего-то нет, ты знаешь, да? Знаешь, что если не найдешь, то Дух тебя не примет? Знаешь... Боишься? Нет. Ты не умеешь бояться. Ах, вот оно что, – чуть усмехнулась она, – ну конечно. – Ее улыбка стала такой расслабленной и умиротворенной, что Китарэ едва подавил желание встать и просто уйти отсюда. – Ты знаешь, просто не будь дураком, – захихикала она, – но ты все равно будешь, – уже в голос смеялась женщина.

– Не могу поверить, – фыркнул Китарэ, резко вставая с расстеленной прямо на земле шкуры и направляясь к выходу из шатра.

И ради того, чтобы взглянуть на обкутившуюся опиумом человеческую женщину в прозрачных тряпках, он вел переговоры с кочевниками целый месяц? Хоть одно точно сказала: не стоит быть дураком!

– Постой, мой бог! – Серьезный голос женщины заставил его замереть у самого порога. – Не обижай ее, мой бог, не обижай, – как-то по-особенному жалостливо попросила она.

– За себя переживай, – чуть повернув голову, сказал Китарэ. – Чтобы на рассвете покинули окрестности Мидорэ.

Он резко откинул полог шатра и вышел в стылую осеннюю ночь. У самого входа преданной тенью стоял Дилай. Казалось, он точно знал, что Китарэ сейчас появится и захочет немедленно покинуть племя, потому лошади уже были готовы, да и сам парень тоже.

– Как все прошло? – тихо спросил друг.

– Еще одна такая идея, – остро взглянул он ему в глаза, – и я не обещаю, что оставлю это без последствий, – бросил Китарэ, одним сильным движением взлетая в седло. – Не задерживай меня. – Из уст Китарэ это было все равно что «пошевеливайся или проваливай».

Стоило принцу прищипорить коня, как холодный морозный воздух ожег его лицо. Ночь, поле, льдинки звезд на черном бархате неба – что еще нужно, чтобы немного прийти в себя? Ну, например, закончить Нить...

Не сейчас. Сегодня он не будет думать о том, в какой ужасной ситуации может оказаться его Артакия в ближайшие не то что годы, а, может быть, уже и дни. А вместе с ней и он.

Он вошел в свои покои, когда на небосводе уже играло багрянцем солнце, готовясь подарить империи новый день. Не чувствуя усталости, он прошел комнату насквозь, распахнул двери, ведущие на широкую террасу, откуда спящий Мидорэ был как на ладони, и опустился в одно из плетеных кресел. Рядом сел Дилай. Китарэ чувствовал, что друг не просто так отправился за ним. Он словно готовился к какому-то признанию, но не знал, с чего начать.

Некоторое время мужчины молча смотрели, как над великим морем давно уснувшего дракона алым золотом разливается рассвет. Даже глубокой осенью, стоило на горизонте Мидорэ засиять солнцу, ветер тут же становился ласковым и приветливым. Тепло редко покидало эти края надолго и всерьез.

– Я должен рассказать тебе кое-что, – раздался в умиротворяющей тишине утра голос друга.

– Я знаю, – усмехнулся Китарэ. – Говори, – разрешил он, чуть улыбнувшись.

– Я долго думал: почему все так?

– Поверь мне, я думал об этом не меньше, – хмыкнул Китарэ.

Сказать честно, он не слишком-то хотел выслушивать размышления друга и предположения о том, что еще они могут сделать. Ничего из того, что они уже пытались предпринять, не помогло. Порой нет ничего хуже очередного призрака надежды, которой не суждено сбыться.

– Я знаю, тебе будет неприятен этот разговор, но все же... В ночь, когда погиб твой отец, Нить была разорвана.

Китарэ едва удержался от того, чтобы поблагодарить друга за напоминание. Можно подумать, он сам этого не знал.

– С каждым оборотом на севере все холоднее, на юге – засуха за засухой, запад заливают бесконечные дожди, восток постоянно трясет, в сезон ветров не утихают бури. Магические меридианы все нестабильнее. Это чувствуют уже даже те, кто так и не смог найти своего отражения за Полотном. Хуже может быть, только если и будущий император станет одним из них, Китарэ.

– Я знаю, – скупой ответил мужчина, сжав челюсти.

Он все это знал. И ничего не мог с этим поделать.

– То, что произошло с тобой и твоим отцом пятнадцать оборотов назад в землях Игнэ, мы не можем больше игнорировать. Двенадцать Парящих драконов не просто те, кому мы

поклоняемся и чтим. Я уверен, что это начало нашего мира, Китарэ! То, как мы должны существовать друг с другом. Двенадцать Парящих – это олицетворение Нити Жемчуга императора драконов. Твоя Нить почти готова, но...

– Не хватает последнего, замыкающего звена... – устало пробормотал принц, откинувшись на спинку кресла. «И еще кое-чего», – подумал Китарэ, не решаясь произнести это вслух.

– Да, – заметно нервничая, проговорил Ди-лай. – Я знаю, ты пошел на уступки, пригласив в храм племянников Игнэ...

– И? – Лицо Китарэ вдруг из уставшего стало жестким и волевым. В голосе послышался лед.

Дилай тяжело сглотнул, понимая, что будет, когда он закончит говорить.

– Но это не то, Китарэ. Они не наследники. Я знаю, ты не помнишь, что произошло тогда в крепости огненных эвейев...

– Огненный эвей спалил моего отца, – сквозь зубы прошептал наследник, – из-за огненного эвейя я пересек Полотно в возрасте, когда это может стоить жизни. Из-за огненного эвейя Игнэ все обошлось, я всего лишь потерял кусок собственной души, – горько усмехнулся он. – В семь оборотов меня коснулся мой дракон, его дыхание изменило меня, – небрежно указал мужчина на собственные волосы и глаза. – И я не знаю, смогу ли вновь призвать зверя с тем, что осталось! Так что подумай дважды, прежде чем продолжишь, Дилай!

Дилай смотрел на своего друга и отчетливо понимал, что надо просто сказать это. Может быть, он был неправ? Может быть, ошибся? Но они не узнают, не проверив! Им просто необходимо пройти это!

– У Нирома Игнэ есть прямой наследник, и, полагаю, дня через три он уже будет здесь, – на одном дыхании выпалил Дилай, так и не заметив, в какой момент тяжелый кулак опустился на его висок. Дальше была лишь тьма.

* * *

– Ну, ты как всегда. – Бухтение Рэби за последние дни стало уже чем-то привычным. – Ты хоть знаешь, что такое Мидорэ?

– Я, может быть, и не столь гениальна, как ты, но о том, что такое столица империи, в курсе, – сквозь зубы ответила я, мерно покачиваясь в седле.

– Так какого демона ты похожа на воителя, которого потрепала не одна битва? – разразился он руганью, бросая на меня гневные взгляды.

– Я не знаю, на кого я там похожа, но тебе ли не знать, что это лучшее, что у меня есть? – разозлилась я. – Да, конечно, я должна путешествовать в паланкине, сидя на мягких подушках, с идеально раскрашенным лицом и заплетенными в ритуальные косы волосами! Должна быть одета в ярко-алое кимоно, расшитое двенадцатью парящими драконами, как того требует обычай и мой род. Но, Рэби, зачем ты спрашиваешь меня, почему все так? Тебе ли не знать?!

Да, женщинам Артакии, тем более наследницам благородных домов, не пристало путешествовать в мужской одежде и верхом. Но Дорэй была столь милостива, собирая меня в храм Двенадцати, что выделила мне аж целый сундук своих шелковых кимоно, которые она носила неизвестно сколько лет назад, учитывая, что все они были мне примерно до середины икры и едва прикрывали локти. Не говоря уже о том, что она и вовсе не собиралась собирать положенную наследнице свиту! Ни о каком паланкине, слугах и прочем речи не шло. Ее кимоно я продала в ближайшем к Турийским лесам крупном городе и получила неплохие деньги, которых нам должно хватить на первое время.

– Это не я просила о том, чтобы явиться в их храм! Это они вызвали меня! Мой отец проклят Двенадцатью Парящими, так что может быть удивительного, что и наследник такой же.

– Дура, – шикнул он и надулся, отвернувшись от меня.

– Пф, – фыркнула я. Кто бы говорил.

– Неужели ты не понимаешь, как это важно?.. Неужели не понимаешь, что это шанс?..

– Шанс на что, Рэби? – жестче, чем следовало, спросила я, прямо посмотрев на своего наставника. – Шанс на то, что это сможет что-то изменить для рода Игнэ? Мой отец убил императора, и это ничто не в силах изменить, Рэби. В тот момент, когда это произошло, все изменилось для нас всех раз и навсегда. Ты же понимаешь, почему они не четвертовали весь наш род тогда. Все дело в крови, Рэби. Я много думала над этим, и, как ни крути, все дело именно в том, что это наш огонь не дает северу превратиться в сплошную глыбу льда. Ты знаешь, что я права! Они зовут меня не потому, что я им так сильно нужна или им важна честь нашего рода. Им плевать – приползи я хоть без рук и без ног, если есть хоть малейший шанс, что я найду своего зверя и согрею север, – горько усмехнулась я. – Правда, что-то мне подсказывает, что совсем скоро и этот крошечный шанс нас не спасет...

– Послушай, – прекрасно поняв, о чем я, сказал Рэби, – постарайся пробыть там хотя бы несколько месяцев. Хотя бы до дня испытаний. А потом...

– Что потом, Рэби? Что? Ты знаешь, как на меня действует огонь! Знаешь, что будет, если мне придется соединиться со стихией рода? Даже я не знаю, что из этого выйдет, но меня уже не останется к этому моменту, – уже тише сказала я.

– Мы сбежим, – уверенно сказал наставник.

Я же грустно усмехнулась.

– Куда, Рэби? Это страна эвейев, повелителей стихий, детей Двенадцати Парящих драконов. Куда ты собрался бежать, когда мой отец мог видеть целый мир сквозь крошечное пламя свечи? Мне осталось пол-оборота, Рэби, я это понимаю. Постарайся понять и ты. И, пожалуйста, можно хотя бы эти гребанные месяцы я буду носить свое тряпье и хотя бы не буду переживать о том, что не имеет никакого значения.

На этот раз наставник не нашелся с ответом. Он упрямо поджал губы и отвернулся от меня, делая вид, что изучает окружающий пейзаж.

Мидорэ. Столица Артакии. Жемчужина нашей империи, которая притаилась у берега Тихого моря. Совершенный венец цивилизации эвейев. Вечно зеленый город, утопающий в ласковых объятиях гор, морского бриза и цветения садов. Я поняла, что мы на месте, стоило нам вывернуть на тракт, ведущий к южным городским воротам. Я впервые видела море.

Дорога же змеей вилась вдоль побережья. Дыхание против воли сбилось, и я решительно направила лошадь к самому берегу, уходя с тракта.

Моих волос, которые я заплетала в тонкие косички, а уже после схватывала их на затылке, коснулся прохладный бриз. Я легко соскочила с лошади и направилась к самому берегу. Хоть море и называлось Тихим, волны на этом скалистом берегу были впечатляющими.

– У нас такого не увидишь, – раздался из-за спины голос Рэби.

– Ты знаешь, я радуюсь, – улыbnулась я, всматриваясь в горизонт.

– Чему? – поинтересовался наставник, вставая рядом со мной.

– Ну хотя бы тому, что у меня есть возможность увидеть нечто удивительное за те пол-оборота, что остались...

Резкая боль пронзила предплечье, когда пальцы Рэби железной хваткой сомкнулись на моей руке. Он дернул меня на себя, заставляя повернуться к нему лицом.

– Ты не умрешь, ясно тебе? – зло сказал он, всматриваясь в мои глаза так, словно искал на самом их дне ответ или подтверждение тому, что я ему поверила. – Ничего еще не кончено! Может быть, в храме тебе помогут переступить страх!

– Ну конечно, – усмехнулась я. – Как? Еще раз сожгут меня?

– Эй, – встряхнул он меня, – если ничего не получится, то я уведу тебя отсюда, чего бы мне это ни стоило! Слышишь меня?

Я смотрела в его темно-карие глаза, в лицо, на котором совсем недавно стали появляться первые морщины, выдававшие его возраст, несмотря на крепкое тело воина. В этот момент я действительно почувствовала, как он переживает за меня. Пожалуй, роднее и ближе, чем Рэби, у меня никого не было, а я так эгоистично поступала, заставляя его чувствовать себя беспомощным и переживать за меня. Это было неправильно с моей стороны.

– Хорошо, – кое-как выдавив улыбку, сказала я. – Так и сделаем, – прекрасно понимая, что говорю это только для того, чтобы успокоить его.

* * *

Храм Двенадцати Парящих драконов... Впервые он переступил порог этого места в возрасте четырех оборотов. Рядом с ним тогда был тот, воспоминания о ком запечатлелись в сердце на долгие годы. Он помнил отца так, словно тот был единственной опорой его жизни, это он давал ему чувство защищенности и вызывал восхищение. Когда отца не стало, пришлось нелегко. С того дня, как он пришел в себя, Китарэ знал, что как прежде уже никогда не будет. С тех пор, как смог осознать, что произошло не только с отцом, но и с ним самим, он живет так, словно есть четкая отметка до того самого дня, как ему придется пройти за Полотно, чтобы стать одним целым со зверем. Слава Парящим, у него остался Совет Двенадцати... и мать, которые понимали, что наследник нуждается в их защите, пока они не найдут способ все исправить. Способ так и не нашли. Осколок его души был утрачен, и, как это исправить, не знал ни он сам, ни те, кто был верен империи. Проклятый Игнэ своим поступком поставил их мир на грань уничтожения. Нить жемчуга императора – это не просто слова. Это опора, на которой зиждется стабильность в их стране. Двенадцать эвейев встают в Нить, чтобы возглавить Совет и стать опорой императорской власти. Но самое главное, двенадцать должны «парить» в унисон, их энергии должны иметь особенную гармонию, чтобы дарить песнь жизни целому континенту. Пока Нить не будет выстроена вновь, не будет ни стабильности в их землях, ни процветания. Именно этого от него ждут простой народ, элита и даже враги. Нить распалась пятнадцать оборотов назад из-за одного... Даже в мыслях Китарэ не мог подобрать подходящего слова для этого эвейя. Как мог этот мужчина стать одной из жемчужин Нити отца? Как? Предатель.

Каждый раз, стоило ему начать думать об этом эвейе, его обуревала ярость. А теперь и еще один сюрприз от лучшего друга! Как только он уговорил Совет пригласить это отродье пройти подготовку вместе с ним и теми, кого он уже отобрал? Ему не хватало двенадцатого эвейя, чтобы замкнуть Нить. Но быть того не может, что этим кем-то станет проклятое дитя Нирома Игнэ!

– О чем задумался? – Голос Дилая, точно лезвие ножа, прошелся по оголенным нервам.

Китарэ резко обернулся и презрительно взглянул на друга. Синяк на его утонченном лице до сих пор не сошел, тем забавнее казался этот щеголь в дорогом кимоно и с фингалом под глазом.

– Думаю о том, как пригрел змею на груди, – зло ответил он.

Улыбка мигом слетела с губ парня, и он несколько смущенно потупился.

– Не думаю, что ты прав. Да и сам ты не можешь мыслить так узко! Все это твой гнев, и тебе стоит избавиться от него. Есть дела поважнее.

– Да? Что, например?

– Наследник дома Игнэ ожидает у входа в храм, – затаив дыхание, сказал друг.

– и?

– Ну, согласно правилам...

– К демонам правила! Пусть ждет. Я приду туда, когда посчитаю нужным, а не тогда, когда удобно ему.

– И чем ты собираешься заниматься? Так и будешь торчать на крыше?

– Чем плохо, если я буду торчать на крыше? – поинтересовался Китарэ из чистого упрямства.

На самом деле у него были и другие дела. И даже если бы их не было, он нашел бы, чем себя занять, прежде чем дать свое дозволение на вход. Пусть ждет, как принято у крестьян... а может, и дольше.

– Я не собираюсь пропускать занятия только потому, что тебе пригрезилось, что это отродье может быть полезным. Идем, – решительно сказал он, бросив последний взгляд на город, который хорошо просматривался с крыши кампуса. Он любил проводить время вдали от суеты учебных корпусов. Здесь он, по крайней мере, мог попытаться найти покой внутри себя. Избавиться от неутраченного гнева, что стал верным спутником с того самого момента, как его мир перевернулся, а душа распалась на тысячи осколков.

* * *

Храм Двенадцати Парящих – это не только сам храм, а скорее комплекс учебных корпусов, библиотек и общежитий. Вот только всякий прибывший должен получить дозволение на вход через главные ворота. Обычно это происходит раз в оборот, когда император дает свое благословение на обучение всем прибывшим эвейям. Для этого есть определенный день. Я прибыла спустя месяц после условленного срока. Наверное, потому пропускать меня никто не спешил. Я глупо стояла возле огромных ворот, которые держались на трехметровых каменных стенах. Увидеть, что скрывалось за ними, не представлялось возможным, как и узнать, правда ли смотритель доложил о моем прибытии. Без одобрения наследника внутрь не попасть.

– Стоит позаботиться о лошадях, – сказала я, глядя, как заботливо Рэби поглаживает свою Капельку.

Рыжая кобыла, точно поняв меня, нетерпеливо всхрапнула.

– Я видел тут недалеко постоялый двор, – кивнул Рэби. – Справишься сама?

– С чем? – изогнув бровь, поинтересовалась я. – С тем, чтобы постоять у ворот? Конечно, ступай.

Все равно, начиная с этого момента, наши пути с Рэби в некотором смысле расходятся. Внутри могут входить лишь эвейи. Для всех остальных вход закрыт.

– Я сниму комнату и буду там. Как только сможешь выбраться, ты знаешь, где меня найти, – отвязывая мои сумки с вещами, сказал он, ставя их у моих ног.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – заверила я его в том, в чем и сама не была толком уверена.

Рэби давно скрылся за поворотом, ведущим на центральную улицу. Ворота оставались заперты. Тяжело вдохнув сдавленный горячий воздух, я довольно отчетливо поняла, что ожидание затянется. Будь я действительно воспитанной в лучших традициях благородных домов, это, несомненно, оскорбило бы меня. Но я и не рассчитывала на теплый прием. У меня не было даже права думать о том, что двери вообще предо мной откроются, потому я просто ждала. Сегодня, завтра, может быть, послезавтра кто-то да выйдет...

Пока мы ехали к храму, теплый ветер помогал справляться с душной осенней жарой. Сейчас в плотно закрывающей изъязы моего тела одежде было тяжело. Уже через несколько часов пот тек градом, щипля глаза. Дыхание сбилось, нога ощутимо дрожала. Впервые я так долго путешествовала, теперь еще и это. Я могла бы опуститься на землю, вот только в ожидании наследника у меня не было такого права. Все, что я могла себе позволить, – это подойти к стене и слегка опереться на нее, распределяя нагрузку так, чтобы хоть немного разгрузить больную ногу.

Был ли наследник здесь? Приедет ли в ближайшее время? С каждой минутой становилось понятно, что спешить он точно не станет. Да, возможно, все это было лишь чистой формальностью. И это нормально для обычного дня прибытия в храм, но, быть может, формальности не так и важны, когда дело касается наследника проклятого Игнэ? Я очень надеялась на это.

– Парящие, во что я ввязалась? – пробормотала я, понимая, что не знаю, сколько еще смогу простоять, прежде чем нога окончательно потеряет чувствительность.

Прикрыв глаза, я позволила своему сознанию отойти на задний план. Ровное глубокое дыхание. Каждый вдох приносит покой. Выдох позволяет мне опускаться глубже. Там тепло и темно. Там нет усталости и грусти. Там я могу отдохнуть и позабыть о том, кто я и где. Там, в этом укромном месте, нет ни времени, ни усталости. Есть только тишина и умиротворение.

Когда-то очень давно Рэби научил меня находить внутри себя источник, особое место силы, где я могла бы восстановиться и отдохнуть. Эвейи называли эту технику медитацией. Рэби говорил просто: отдых для башки в крутом месте. Не знаю, где отдыхал он, но я могла раствориться лишь в темноте.

В себя я пришла неожиданно. Должно быть, что-то изменилось вокруг. Отдых отдыхом, но для тех, кто однажды встает на путь меча, полностью отключать инстинкты губительно. Открыв глаза, я далеко не сразу смогла сообразить, где я и что происходит. Во-первых, за время, что я провела, восстанавливая свои душевные силы, в Мидорэ наступила ночь. Во-вторых, с ночью пришел самый настоящий ливень, тяжелые капли стекали по моему лицу, легко проникая сквозь одежду и обувь. За считанные секунды я промокла до нитки! А может быть, я уже давно стою, облокотившись о каменную стену, и мокну под проливным дождем. Как знать?

Моя двоюродная сестра Расха всегда очень остро переживала тот факт, что наш род оказался в столь бедственном и невыгодном положении. Конечно, это и немудрено. Обидно, когда ты красива, умна, имеешь благородное происхождение, но при этом ни один из великих родов эвейев не пожелает принять тебя в свою семью, если только ты не возьмешь верх над силой крови и не призовешь дракона в этот мир. Что для женщин уже неслыханно! Тогда, пожалуй, шанс есть. Но... это маловероятно. Я всегда знала, что мне нечего ждать. Я не помнила о том, каково это – быть членом всеми почитаемой семьи. Это не тяготило меня, просто потому что, когда ты уже на дне, для тебя это нормально.

Глаза невольно начали слипаться. Сначала мне было очень холодно, но сейчас уже ничего. Я перестала чувствовать собственное тело. Наверное, слишком устала за прошедшие дни. Нога то и дело подкашивалась, и стоять становилось все тяжелее. Рэби никогда не относился ко мне как к инвалиду. Я и сама не делала себе никаких поблажек. Но тело-то знало. Его не обманешь.

– Демоны! – Я со злостью ударила кулаком о стену, надеясь, что хотя бы боль поможет мне прийти в себя.

Из последних сил я пробуждала внутри себя гнев. Сквозь апатию и усталость он с неохотой заворочался внутри. Только благодаря ему я однажды смогла выжить. Благодаря ярости я черпала силы внутри себя. Только когда сердце горит огнем, а душа существует на тлеющих углях, я могу двигаться вперед. Это мой способ выжить.

Я так надеялась, что никто и никогда не заставит меня даже пытаться пройти сквозь Полотно. Так надеялась, что смогу сохранить... себя. Да, одно из условий пробуждения крови – это единение с родной стихией. Но хуже всего даже не это. Стоит пробудить кровь, пусть даже немного, и не овладеть зверем, как тут же начнешь платить за те крохи могущества, от которых никогда не сможешь отказаться. Моей тетке больше шестидесяти оборотов – на вид не дашь и двадцати. Огонь поет в ее крови, а кровь огненного эвейя дает силу и молодость... ровно до тех самых пор, пока тлеет где-то глубоко ее душа. Я не знаю, каково это – день за днем отдавать часть того, что гораздо больше, чем тело или деньги, просто за то, чтобы время

от времени творить заклятия и иметь молодое тело. Как по мне, оно того не стоит. Я не желаю отдавать то единственное, что у меня осталось, за сомнительное удовольствие увидеть ровную кожу на своем теле.

– К демонам преисподней их всех! – в бессильной ярости прошипела я, когда ворота рядом со мной чуть отворились.

Глава 3

В полумраке зала каждое его движение казалось чем-то сродни танцу. Выверенное, отточенное и в то же время пластичное, наполненное необъяснимой силой и грацией. Меч в руке казался продолжением его самого, неотъемлемой частью единого целого. Сейчас, когда ночь накрыла плотным покрывалом из облаков и дождя Мидорэ, единственное, чего хотел Китарэ, – это найти точку опоры, равновесия. Привести в порядок мысли. Дать необходимую нагрузку телу и спокойствие разуму. Порой ему казалось, что он бежит куда-то, не разбирая дороги и не понимая, к чему в итоге придет. Постоянная борьба с гневом и яростью сводила с ума. Увечная душа давала о себе знать. Как бы сильно он ни пытался себя контролировать, с каждым годом становилось только хуже. Он забыл, когда в последний раз смеялся, что значит просто отдыхать, наслаждаться чем-то... Но хуже всего были провалы в памяти, припадки, потеря сознания. Пока это происходило изредка и некритично для обычного человека. Но не для будущего правителя – того, кому предстоит обуздать дракона и собрать Нить из двенадцати драконов.

Каждый император выбирает двенадцать эвейев, которые замыкают круг жизни, баланса силы, магии и природы. С тех пор как погиб отец, империя замерла в нерешительности. Любой неловкий шаг может стать причиной катастрофы. Разорванная Нить нестабильна. Да, жемчужины его отца все еще удерживают баланс, но насколько их хватит? Он не знал. Никто не знал. Если бы только он мог вспомнить, что с ним произошло пятнадцать оборотов тому назад! Для чего он шагнул за Полотно и искалечил себя, черпнув силы в том возрасте, когда плата за это слишком высока. Возможно, он пытался спасти отца? Себя? Почему он ничего не помнит? Его воспоминания словно обрываются на том самом дне, когда они с отцом отправляются в путешествие на север, и появляются вновь в тот день, когда ничего уже не изменить.

Тогда он пришел в себя уже с волосами цвета первого снега. Такие же были у его отца, а это могло значить лишь то, что он пересек невидимую грань между их миром и миром духов, черпнул силы у своего отражения и вернулся назад уже иным, отдав часть себя за мнимое могущество. Что могло толкнуть его на тот путь? Вопросы, ответы на которые могли бы ему помочь. Он не знал. Но... Невольно споткнувшись на отработанном движении, он замер. Возможно, есть тот, у кого найдутся ответы. Сама мысль об этом разбила вдребезги гладь мнимого спокойствия. Гнев огненной волной прокатился по его телу, заставляя с силой сжать меч.

– Ситан, – громче, чем следовало, позвал он пожилого слугу.

Дверь в зал приоткрылась, и на пороге возник уже немолодой мужчина-эвей. Слишком слабый, чтобы быть кем-то иным в услужении при храме, чем слугой. Его форменное темносинее кимоно, как и небольшая темная шапочка на макушке, свидетельствовало о его положении. Мужчина тут же низко поклонился и не спешил выпрямиться, ожидая дальнейших указаний.

– Эвей дома Игнэ, что прибыл сегодня, где он? – холодно поинтересовался молодой мужчина, бережно убирая меч в ножны, что лежали на одном из стеллажей вдоль стены.

– Всякий пришедший просить дозволения войти в храм более не подвластен ни своим желаниям, ни иной воле до того момента, как двери будут открыты или будет объявлено о том, что они не откроются никогда. Он ждет там, где и следует, ис, – монотонно отозвался слуга, стараясь не допустить в голосе неположенных его статусу эмоций.

Но Китарэ не был бы наследником рода Аурус, не почувстуй он нотки гнева и отвращения. И, как это ни странно, он был благодарен, что слуга его отца, а теперь и его, разделяет с ним одни и те же эмоции.

– Помоги мне одеться, Ситан, наш гость достаточно ждал, – сказал Китарэ, надеясь, что, возможно, он не убьет этого эвейя прежде, чем тот успеет хоть чем-то быть ему полезен.

* * *

За всю свою жизнь я видела лишь трех «воплощенных душ драконов», или, как нас принято называть, эвейев. Считается, что эвей имеет в этом мире тело человека, а в мире за Полотном его душа парит в образе дракона. Когда подходит срок, если тело достаточно сильно и подготовлено, дракон может соединиться с тем, кто является его отражением, чтобы соблюсти баланс в этом и ином мирах. Не знаю, насколько все это правда, но Дорэй в свое время не смогла установить достаточно плотную связь. Мои кузены пока не смогли, и неизвестно, смогут ли. Так что, говоря о том, что я видела трех, я могу смело сказать, что не видела ни одного. Потому, стоило воротам распахнуться, я не знала, чего ожидать. От огня, что пел в крови Дорэй, мне всегда было не по себе. Я побаивалась себе подобных, опасаясь того, как мое тело и разумотреагируют на силу, которой обладали полноценные эвейи.

А еще в тот момент, когда огромные ворота из темного дерева все же приоткрылись, я поняла, что совершенно неважно, кто оттуда выйдет. Встречать его я буду уже на коленях.

Все происходящее вдруг показалось мне сном. Мне казалось, что все это я наблюдаю со стороны. Ко мне приближался высокий мужчина в кимоно цвета ночи и серебра. Из-за ливня и усталости я не могла разглядеть вышитый на нем узор. Но мне казалось, что тяжелые капли непрекращающегося дождя не касаются его светлых волос, лица и тела, а словно падают на невидимый мне полог и рассеиваются серебристыми брызгами. Он ступал твердо. Весь вид его говорил о силе и уверенности. Точеные черты лица из-за холодности его взгляда казались высокомерными, темные брови взлет и светло-голубые глаза, точно два самых настоящих осколка льда...

На миг мне показалось, что прямо на меня надвигается нечто неотвратимое, против чего мне не выстоять ни за что и никогда; голова слегка закружилась, а сердце по непонятным мне причинам вдруг сковал болезненный обруч. Стало тяжело дышать. С силой сжав кулаки, я приказала себе стоять во что бы то ни стало. Если я упаду, это будет просто позор тысячелетия. Конечно, мне следовало склониться в приветствии, выразить почтение, но я уже не чувствовала ног. Я не могла доверять собственному телу.

Мужчина остановился прямо напротив. На вид он был немногим старше меня, но я знала, как обманчива природа эвейев: по внешности не определить возраста. Он смерил меня пристальным взглядом. Его темная бровь изогнулась, а губ коснулась презрительная усмешка.

– Как во сне, – пробормотал он, усмехнувшись. – Жалкий, грязный и неотесанный наследник дома Игнэ. Знал бы, вышел пораньше, чтобы насладиться зрелищем.

И только в этот момент в моем глупом мозгу промелькнула первая умная, но запоздалая мысль: «Дура, это же будущий правитель! Поклонись! Умри, но преклони колени!»

На колени я просто упала, чувствуя, как ледяная жижа проникает сквозь плотную ткань брюк, и стараясь не думать о том, как жалко буду выглядеть, когда придет пора подняться. Сложив руки перед собой, я склонилась в поклоне, которым должно любому эвейю, впервые увидевшему наследника, приветствовать его.

На севере все совсем иначе. Это в Мидорэ царят традиции и правила. Я не знаю, как было до того, как мой отец совершил то, с чем нам всем теперь приходится жить, но в моих краях не принято кланяться, следовать нормам этикета и традициям просто потому, что у всех есть задача поважнее – выжить. Пережить зиму, обеспечить себя и семью едой, найти способ существовать достойно. Все, что я знаю об этикете, – это то, что заставила меня прочитать Дорэй. К слову сказать, о том, что надо низко поклониться, я знала, но что делать дальше – понятия не имела. В голове не укладывалось, что передо мной наследник. То, с каким презрением он говорил, меня не тревожило. Во-первых, я привыкла к косым взглядам и злым словам, а во-вторых, я бы тоже ненавидела себя, если бы оказалась на его месте.

– Вспомнил свое место? Отрадно. Надеюсь, впредь не забудешь. То, что я позволяю тебе переступить порог храма Двенадцати Парящих драконов, вовсе не делает тебя равным остальным. Не забывай, где твое место, сын предателя!

Я бы, наверное, пропустила мимо ушей всю его тираду, поскольку ничего нового или особенно оскорбительного он мне не сказал, но последние слова меня несколько озадачили. Сын?

С другой стороны, все равно вряд ли мы еще раз пересечемся. Доказывать, что я немного не того пола, не было ни сил, ни желания. Скорее бы уже доползти хоть куда-нибудь, где достаточно сухо и тепло. Я ужасно устала и хотела спать. А самое отвратное, я точно знала: стоит мне уснуть и разуму немного отдохнуть, как тело опять скрутят судороги. Поврежденное тело обязательно отомстит этой ночью.

На некоторое время воцарилось молчание. Холодные капли дождя продолжали мерно колотить по спине. Но холод вдруг стал превращаться в тепло, а странное онемение охватило все тело. Все же было ошибкой так рьяно кланяться. Голова, почувствовав опору, вдруг стала тяжелой, глаза закрылись сами собой. Я поняла, что задремала, лишь когда услышала резкий голос.

– Отвратительное зрелище! – Слова прозвучали так, словно наследник совсем не царственно сплюнул. – Можешь войти, – добавил он, а я лишь услышала, как его удаляющиеся шаги тонут в звуках дождя.

Набрав побольше воздуха в грудь, с силой заставила себя привстать, чтобы увидеть, как широкая спина наследника скрывается в открытых воротах. Я поняла, что должна встать на ноги и войти, пока ворота вновь не закрылись. Подняться я смогла лишь с шестой или седьмой попытки. Кое-как подобрав свои вещи, я попыталась сделать шаг. Ногу тут же свело, и я едва не упала в грязь лицом. Лишь чудом удержав равновесие, я предприняла очередную попытку. Сильно хромая, точно пьяный вдрызг забулдыга, я проковыляла к воротам и, лишь переступив заветный порог, поняла, что совершенно не представляю, куда двигаться дальше. Ночь и ливень укрыли территорию храма непроницаемым покрывалом тьмы.

– Идите за мной, – раздался неприятный скрипучий голос, и я невольно вздрогнула, совершенно не ожидая, что кто-то меня ждет.

Это был мужчина преклонных лет. В руке он сжимал странную палку, на которую было насажено полотно. Оно хоть как-то защищало его от дождя. Я не успела толком разглядеть старика, как он тут же пошел вперед. Говорить было не о чем. Спрашивать, куда мы идем, я не собиралась. Не думаю, что ему хотелось находиться на улице дольше необходимого, потому я просто поплелась следом. Когда все страшное из того, чего обычно боятся, с тобой уже произошло, приходит осознание: единственное, чего ты не сможешь пережить, – это смерть. Наверное, это самое полезное знание, которое подарила мне моя странная жизнь.

Не знаю, сколько и где мы шли. Мне кажется, я уже пребывала где-то на грани беспамятства, когда мы наконец вошли в здание. Единственное, что смогла для себя отметить, – это то, что тут тепло и сухо. Откуда-то сверху лился приглушенный свет, что позволяло различать

стены и пол. Мужчина отряхнулся, точно промокший воробей, что-то повернул на рукояти палки, и полотно вдруг сложилось.

С каждым шагом моргать, осознавать происходящее, переставлять ноги становилось тяжелее. Когда же мы свернули в очередной коридор и стали подниматься по широкой лестнице, я и вовсе прокляла все на свете. Из этого остатка пути я запомнила только подъем по лестнице и путешествие по невероятно длинному коридору, когда старик наконец-то остановился и с гаденькой улыбкой сказал:

– Покои для вас.

Он сунул мне в руки ключ и, не дожидаясь ответа, засеменил прочь.

– Наконец-то, – тяжело вздохнула я и, вставив ключ в скважину, легко открыла дверь.

Почему этот мужчина так гадко улыбался, я не поняла. На самом деле не хотелось сейчас об этом и думать. Стоило мне войти, комната наполнилась чуть приглушенным сиянием, позволяя различать предметы и обстановку внутри. Мысль о том, что у меня теперь будет магическое освещение, наполнила мое сердце радостью, немного прибодрив и отодвинув на второй план все мои невзгоды. О таком я только читала и никогда прежде не видела!

Комната оказалась выше всех похвал. Больше той, в которой я жила дома. Здесь было несколько чистых одеял и подушка, так что можно было с комфортом спать на полу! Небольшой столик для письма и письменные принадлежности! Большое окно! И даже шкаф! Вся мебель добротная, совсем не похожая на старые сундуки, что прежде выделяла мне Дорэй для хранения вещей и занятий письмом.

Машинально опустив вещи на пол, я восхищенно осматривала место, в котором мне предстояло прожить следующие пол-оборота. Вот уж не ожидала, что буду жить в такой роскоши! А когда заметила еще одну дверь, за которой оказались моя личная уборная и ванная комната, я решила, что будь что будет, но я должна получить хоть немного удовольствия от проживания тут! У меня даже мысли не возникло, что для наследницы такого рода, как Игнэ, получить в пользование подобную комнату – оскорбление. Для меня она была прекрасной: чистая, теплая, с почти новой мебелью, местом для купания, с возможностью читать даже ночью.

– Может, я уже сплю? – счастливо улыбнулась я.

Дрожащими пальцами мне не сразу удалось расстегнуть замочки на своей одежде, чтобы вылезти из нее. Наверное, случись со мной дома такая история, я бы просто упала на свою постель как есть, но рядом с воплощением своей мечты – новыми белоснежными одеялами – я просто не могла так поступить.

– Буду мыться, – решила я.

На освоение купальни ушло не много времени. Все же я пользовалась чем-то подобным дома, только в моем распоряжении были общественные купальни, но способы подачи воды в бадью я знала. Я нашла на одной из полочек в ванной камень то джи, который использовался для нагрева воды в основном в богатых семьях. На севере говорили, что эти камни добывают возле пяти великих спящих вулканов и они умеют хранить тепло своих родителей долгие годы. Они не обжигают руки и тело, но нагревают воду. Я знала об их существовании лишь потому, что у Дорэй и ее детей были такие. И когда я была ребенком, старая Тильда показывала мне их. Долго не раздумывая, я опустила камень в уже полную бадью, а следом залезла и сама.

На самом деле процесс омовения всегда был для меня малоприятной процедурой. В основном потому, что это были общие купальни. Хоть я и привыкла воспринимать себя как просто существо без пола и тела, стараясь не заикливаться на своем уродстве, мне все равно было неприятно, когда кто-то видел мои шрамы. Повреждена была вся левая сторона: нога, рука, бок, шея. Лицо задело не так сильно, шрамы на шее тянули кожу, из-за чего уголок рта был немного опущен, и создавалось впечатление, что я «всегда замышляю что-то гадостное или насмехаюсь над окружающими» – так однажды обозначил мою гримасу Рэби. Как бы я

ни отрицала этого, на самом деле я стеснялась себя. Мне казалось, что, когда люди видят мои несовершенства, я становлюсь жалкой и слабой в их глазах. Это было отвратительное чувство, с которым я пыталась бороться всю свою сознательную жизнь, просто потому что и сама знала, что такая и есть. Если с утраченными воспоминаниями я забыла бы и страх перед стихией, которая должна стать моей судьбой, все было бы гораздо проще! Мне не нужны Турийские леса и земли моего рода, но хотелось установить прочную связь с отражением своей души и стать полноценным эвейем. Так я смогла бы чувствовать себя полноценной.

Нежданное тепло расслабило уставшие за этот бесконечный день мышцы. Нога противно ныла, но, если бы не теплая вода, я бы сейчас выла и каталась по полу. Я и не заметила, как мои веки налились свинцовой тяжестью, и провалилась в тяжелый сон, больше всего напоминающий ловушку из тьмы и тишины.

Должно быть, впервые за всю свою жизнь я спала, не видя кошмаров и не чувствуя боли. Проснувшись я в той же бадье. Вода все еще оставалась теплой, но кожа на пальцах сморщилась и напоминала мокрую бумагу. Тело немного затекло от неудобного положения, но в целом я чувствовала себя как нельзя лучше.

Только оказавшись в комнате и по цвету неба за окном определив, что сейчас раннее утро, я поразились, насколько хорошо себя чувствую, несмотря на короткий сон и сильную усталость накануне. Открыв мешок с вещами, я невольно поморщилась. Все было мокрым, и уже появился затхлый запах.

– Прекрасно, – пробормотала я, выкладывая вещи на пол и не представляя, где это стирать и сушить.

На самом деле гардероб мой был довольно скудным. Вещи, что некогда принадлежали моему старшему кузену, я старалась поддерживать в чистоте и носила аккуратно, просто потому что знала: ничего нового для меня в ближайшие обороты не предвидится. Мне очень нравились красивые кимоно моей тетки и сестры, и я бы с удовольствием носила подобное, если бы... Одним словом, к чему курице красивое платье – от этого она не перестанет быть курицей. Одежда старшего брата мне подходила больше. Когда-то он носил повседневные кимоно из простой ткани непримечательных оттенков. Вот они-то смотрелись на мне так, как я того заслуживала. Мне казалось, что так я меньше привлекаю внимание. Телесные уродства на севере вызывают всего лишь любопытство окружающих, жалость с толикой пренебрежения и отвращения. В Мидорэ уродство – это позор, особенно для женщины. Тело девушки должно быть чистым и прекрасным. Конечно, это я не сама придумала, так однажды сказал Эдор, мой двоюродный брат. Из всех членов своей уцелевшей семьи я обоснованно могла ненавидеть лишь тетку. Она всегда старалась сделать мне больно, унижить, вытащить наружу мои тщательно скрываемые страхи. Эдор и Расха были не такими. Они просто не замечали меня. Для кого-то такое пренебрежение было бы оскорбительным. Мне же хотелось оставаться в их тени как можно дольше. Мы сохраняли нейтралитет, и, пока они не трогали меня, я не трогала их. Не стоит заблуждаться на мой счет, я могла быть закомплексованной, неуверенной в себе, страдающей от фобий и непонятных мне приступов удушья, но я никогда не была и не буду жертвой. Порой я могла быть жестока и вспыльчива, что, как мне кажется, естественно для огненного эвейя.

Так или иначе, мне было нечего надеть в мой первый день в храме Двенадцати. Ситуация из разряда нарочно не придумаешь.

– И что мне делать? – ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотала я.

Да, вопрос «Что мне делать?» относился не только к одежде, но и к моим дальнейшим действиям. Час красного петуха уже наступил, и небо за окном покрылось багрянцем, а стало быть, совсем скоро все эвейи, что находились в стенах храма, отправятся на молитвы и занятия. А куда идти мне?

В тот самый момент, когда я уже было решила просто остаться в комнате, пока моя одежда не высохнет, в дверь легонько постучали, а под дверь просунули небольшой желтый лист бумаги. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это письмо для... «иса Игнэ».

«Ис Игнэ».

Первые строчки заставили вновь напрячься. Почему я уже второй раз слышу к себе мужское обращение?

«Час красного петуха настал, а стало быть, я уже имею дозволение потревожить ваш сон».

– Конечно, сон, как же, – буркнула я, продолжая разбирать корявый почерк.

«К часу пестрой сойки вам должно явиться в храм Двенадцати Парящих. Вашу форму, сменную одежду и кимоно для занятий тэй-до я оставляю на пороге. Прошу вас не гневаться, что не передаю вам одежду лично, но прерывать сон до того, как час красного петуха истечет, я не имею права. Кван».

Пока я читала это письмо, мое сердце радостно забилося в груди. Кем бы ни был этот загадочный Кван, он уже стал моим спасителем! Удивительно, как же удивительно! Кажется, впервые за мои двадцать оборотов удача так широко улыбается мне! Сначала комната, теперь это... Счастье скрывается в мелочах! Конечно, считается невежливым оставлять что бы то ни было под дверью, но лично мне все равно.

Взяв одну из аккуратно сложенных в углу простыней, я основательно в нее замоталась и приоткрыла дверь. Действительно, на пороге лежал громоздкий сверток, обернутый в яркую ткань, а сверху бережно уложено несколько свитков. Втянув неожиданное богатство в комнату, я тут же принялась рассматривать подарки. Уже через полчаса я стала счастливым обладателем трех кимоно, два из которых относились к повседневной одежде, а одно представляло собой упрощенный вариант для занятий рукопашным боем. Стоило развернуть свитки, чтобы осознать всю степень моего везения: тут я нашла расписание и карту храмового комплекса.

Лишь одно вновь напрягло меня. Вся одежда состояла из брюк, куртки до середины бедра, нательной рубашки, пояса и длинного халата темно-коричневого цвета с широкими рукавами, которые мужчины зачастую использовали вместо карманов. Говоря проще, это была мужская одежда, но моего размера. Что это? Так принято? Меня принимают за мужчину? Как такое возможно...

– Эдор, не спорь со мной! Пока Ивлин здесь, нам всем не о чем беспокоиться!

– А если...

– Даже «если», то ошибки случаются. Они ничего не докажут. Не о чем переживать.

– Но ты не можешь не осознавать...

– Замолчи немедленно, – сквозь зубы прошипела Дорэй. – Много ли ценности в женщине? Наша энергия слишком слаба, чтобы совладать с духами драконов за Полотном. Это все знают, тем более это известно Совету. Моя надежда – это ты, сынок. А гарантия того, что у тебя будет шанс, – это она. Пока они верят в то, во что я хочу, у нас есть шанс сберечь род и семью. Ив никогда не решится пройти за Полотно. Я точно знаю.

Несколько лет назад разговор, свидетелем которого я случайно стала, заинтересовал меня. Тогда я подумала, что может быть масса причин, почему мне лучше оставаться в Турийских лесах. Мне казалось, Дорэй говорит о том, что из-за своей увечно-сти и фобий я не смогу отправиться в Мидорэ. Она, в общем-то, была права. Так и было бы. Но до того момента, как всем стало бы понятно, насколько никудышная наследница была у Нирома Игнэ, Эдор уже смог бы вступить в права рода (возможно) и возглавить семью. Но сейчас сквозь неясную пелену предчувствия мне казалось, что все не так просто. Рэби говорил, что у меня звериное чутье. Я бы сказала, что это происходит со мной периодами. Иногда я просто знаю ответы на вопросы, которые тревожат меня. Чувствую их. Вот и сейчас я ощущала, что это все не просто ошибка. А самое главное, теперь я не знала, как себя вести. Стоит ли мне обратиться к кому-нибудь

и сообщить, что возникло недоразумение? Но в то же время, какой бы стервой ни была моя тетка, душой она не была никогда. И если каким-то непостижимым образом ей удалось сделать из меня мальчика... то это было необходимо. Вот только кому? Не думаю, что она пеклась о моем благополучии.

Мысли, сомнения, страхи – вот лишь малая часть того, что теперь тревожило мое сердце. Я ненавидела ложь. Какой бы сладкой, полезной на первый взгляд и умиротворяющей она ни была. Ложь – это притворство, которое не дает ничего, кроме фантазий. Моя тетка была соткана из несбыточных надежд и чаяний. Она жила ими, грезила о них, жертвовала и теряла то малое настоящее, что у нее было, лишь во имя того, что было безвозвратно утрачено и вряд ли станет настоящим вновь. Мой отец уничтожил прошлое рода Игнэ, моя тетка разрушала наше настоящее, пытаясь отсрочить неизбежный финал для нас всех. Почему она не предупредила меня о том, что сделала? Решила, что, если меня раскроют, это будет выглядеть как нелепая ошибка? Решила, что так будет проще подтвердить, что я действительно ни о чем не догадывалась и что это не вина нашей семьи, что меня записали как мальчика? Или решила, что Эдору осталось всего пол-оборота обучения и уже в любом случае ничего не угрожает? В конце концов, кто я была такая, чтобы понимать, как работает мозг Дорэй Игнэ...

Сделав глубокий вдох, я затянула белоснежный пояс на бежевом кимоно, поправила ворот темно-коричневого халата, убедившись, что шея хорошо прикрыта, собрала в тугий пучок часть волос, позволив длинной челке спадать на левую сторону лица, и вышла из комнаты. Как бы там ни было, мне не о чем переживать. Пол-оборота – вот отведенный мне в стенах храма срок. Я не стану думать ни о бывшем величии рода Игнэ, ни о репутации ненавистных мне родственников. И уж тем более я не стану никому ничего доказывать. Спросят – скажу, а если нет, то плевать. Я не стану разбираться с тем ворохом лжи, что нагородила Дорэй.

Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы сориентироваться и найти выход из общежития, в котором меня поселили. Встреченные мною эвейи были одеты в одинаковые кимоно и, казалось, были похожи друг на друга, как братья-близнецы, со своими косами и тугими пучками. Стоит ли мне заметить, как они косились на мои волосы? Я пробовала прически, что носили они и были традиционны в Арта-кии. К сожалению, когда я забирала волосы в тугой пучок, выражение моего лица становилось просто «зверским», как заметил Рэби, а с челкой я вроде как «печалилась».

* * *

– Китарэ! Китарэ! – Голос Дилая эхом разносился по спящей еще храмовой площади. – Постой же!

подавив глубокий вдох сожаления, что был замечен так не вовремя, Китарэ остановился, ожидая, пока Дилай нагонит его. Час красного петуха только наступил, до начала общих медитаций и молитв еще два часа. Это время Китарэ хотел провести в одиночестве.

Сейчас пустынное пространство, выстланное розовым камнем возле входа в огромный храм Двенадцати Парящих драконов, отражало шаги приближавшегося друга. Поговаривали, что тут могли одновременно медитировать до тысячи эвейев, не касаясь и не мешая друг другу. Учитывая размеры площади, Китарэ в этом не сомневался. В храм вели ступени. Они лишь указывали на статус святыни, заставляя само сооружение будто парить в небесах. Оскаленные морды огромных драконов, присевших отдохнуть на парапете вдоль всей лестницы, молча наблюдали за каждым, кто изъявлял желание обратиться к богам со своей просьбой. Даже Китарэ, который видел эти статуи с самого детства, до сих пор испытывал непонятный трепет и волнение, приближаясь к храму, словно чувствовал пристальный взгляд каменных чудовищ.

– Ненавижу, когда ты так делаешь, – усмехнулся Дилай, останавливаясь напротив друга.

Сейчас они оба были облачены в светло-бежевые форменные кимоно и халаты. Во время учебы ученики не должны были выделяться. Статус, положение, богатство не играли никакой роли.

– Как? – изогнув бровь, поинтересовался наследник.

– Делаешь вид, что глухой, – фыркнул Дилай. – Я знаю, что если тебя нет в твоих комнатах, то ты тут, – выпалил он, не дожидаясь, пока Китарэ прервет разговор, развернется и уйдет. – Какой он? Ты видел его?

– Кого? – холодно поинтересовался Китарэ.

– Его, – выразительно поиграв бровями, повторил Дилай, но все же добавил: – Игнэ.

– Видел.

– И?

– И ты сам скоро его увидишь.

– Ты... – несколько замялся парень. – Не почувствовал ничего необычного? Может быть, течение его жизненной энергии как-то по-особенному отозвалось в тебе?

Некоторое время Китарэ молча смотрел на друга. Со стороны могло показаться, что он и вовсе проигнорировал его вопрос. На самом деле молодой человек пытался совладать с собственными эмоциями, чтобы не позволить им взять верх над разумом.

– Нет. Все, что я почувствовал, – это сожаление, что вышел к нему. Более жалкого недоразумения я в жизни не видел, – сквозь сжатые зубы сказал Китарэ, вспоминая наглую усмешку, что играла на губах чужака, пока тот не вспомнил, что надо бы встать на колени перед будущим правителем. Никогда прежде на него не смотрели как на ничего не значащее, пустое место, да еще и насмехались при этом.

Вернувшись в собственные покои, Китарэ долго не мог взять под контроль гнев. Тогда ему, пожалуй, впервые захотелось провалиться в один из своих приступов, что выпьет его силы до дна и даст временное забытие. Чего он ждал от этой встречи? Он и сам не мог понять, что именно его так разозлило, встревожило. Казалось бы, все прошло как нельзя лучше. Говорят, что нет приятнее зрелища, чем враг, что преклонил перед тобой колени. Теперь он знал, что это бред. А быть может, ему всего лишь становилось хуже...

Перед глазами вновь встал образ наследника дома Игнэ. Совсем невысокого роста, можно сказать, тщедушного телосложения. Черные как смоль волосы, заплетенные в тонкие косички и сложенные в какую-то замысловатую, дикую прическу, когда часть волос прикрывает левую сторону лица. Взгляд столь же черных раскосых глаз показался ему холодным и надменным, как и выражение лица. Он смотрел на него, словно не понимал, кто перед ним. Будто даже не испытывал и толики смущения. Хотел ли сам Китарэ видеть на дне этих глаз покаяние? Признание вины за смерть отца? Мольбу о прощении? Или ждал увидеть в них вызов? Но не было ничего, кроме безразличия, надменности и холодности. Почему это задело его? Он не брался давать ответ на этот вопрос. Он вырос среди придворных дам и мужей и давно не питал иллюзий насчет того, какие эвейи и люди его окружают. Так чего же он ждал от этого мальчишки?

Много лет назад Совет единогласно принял решение о том, чтобы официально признать смерть Ни-рома Игнэ и его отца случайностью. И дело, конечно же, не в великодушии. Дело в будущем. Любой, кто поднимет руку на члена императорской семьи, должен быть казнен вместе с детьми, женами, ближайшими родственниками по крови, а значит, следовало вырубить весь род Игнэ под корень. Другими словами, прервать сильнейший род огненных эвей-ев и поставить под удар баланс и страну. Говорят, из двух зол выбирают меньшее. Совет выбрал пространную формулировку: «погибли при невыясненных обстоятельствах». Хотя все знали, какими именно были эти обстоятельства, остаткам семьи Игнэ позволили продолжить существование. Возможный вред для империи, если наследник Игнэ последует вслед за отцом, посчитали большей опасностью для баланса сил, чем позволить оставить смерть императора

без возмездия. Как бы там ни было, совсем скоро он узнает, был ли смысл в таком решении или следовало и впрямь оборвать проклятую ветвь.

Пока можно было сделать лишь предварительные выводы о том, кто потенциально сможет занять место в его Совете. Из всех эвейев, что сейчас готовились вместе с ним ступить за Полотно, идеально подходили одиннадцать. Конечно, все зависело и от самих претендентов – не смалодушничают ли они. Но еще ни разу за всю историю их мира не было таких прецедентов, и намеченная Нить из века в век собиралась в единое «ожерелье силы». Ему недоставало последней мелодии, как и важной части его самого. Надежды, что питал Дилай относительно потомка Игнэ, сам Китарэ не разделял. Тем более сейчас, после встречи с этим мальчишкой. Он просто не может быть тем, кто идеально совпадет с его вибрациями.

– Тогда почему пришел сюда в столь ранний час? Верховный настоятель вот-вот должен подойти, – хитро прищурился друг.

Дилай принадлежал к роду Пэа, чьей стихией считался воздух. Должно быть, даже в непробужденных эвейях стихия влияла на характер. Именно потому Дилай мог легко находить язык с кем угодно, даже с Китарэ он умудрялся не робеть и выискивал способы для поддержания их дружбы. Китарэ был благодарен другу за то, что тот не сдавался.

Глубоко вздохнув, он все же решил ответить:

– Не стоит тянуть. Если он подходит, то я хочу назначить день и час, когда мы сможем узнать, так ли это.

Глава 4

Из свитка, доставшегося мне вместе с одеждой, я знала: именно в час пестрой сойки все эвейи, что всерьез намереваются пробудить свою кровь и пройти за Полотно, направляются к храму Двенадцати, чтобы совершить молитву и начать новый день с коллективной медитации. Потому, не задумываясь, я влилась в общий поток и шла, стараясь придерживаться общего ритма. Хотя я и привыкла к бескрайним лесам, высоким горам и широким рекам, для меня было в диковинку, что улицы могут быть такой ширины: будь они рекой, по ним с легкостью параллельно скользило бы несколько лодок. Позже я поняла, что вывернула на центральную улицу, ведущую к храму. Казалось, я где-то в лесу или саду, но в то же время вокруг мощенные розовым камнем дорожки, аккуратные аллеи, стриженные ухоженные деревья и газоны, повсюду места для отдыха, здания, спрятавшиеся в зелени и цветах. Я впервые видела подобное и крутила головой, как неотесанная деревенщина. Даже большое число моих собратьев не интересовало меня так, как это удивительное, впечатляющее место. Да и кем, собственно, интересоваться? Кругом мужчины в одинаковых одеждах, а вскоре к нам присоединились и девушки, с единственной разницей в том, что их кимоно традиционного пошива для женщин, но в той же цветовой гамме.

Невольно я задумалась о том, как было бы здорово оказаться здесь, будучи просто Ив без бремени рода и деяний отца. Без страха и шрамов, уродовавших мое тело. Наверное, я не была бы первой красавицей. Возможно, не все были бы готовы со мной дружить. Но у меня был бы шанс почувствовать то, что чувствуют они. Быть простой девушкой, вступающей в большой мир, навстречу первым чувствам, эмоциям, дружбе...

Когда я подумала о том, что мой единственный друг в этом мире – Рэби и как ему сейчас непросто из-за меня, горло сдавил спазм. И я не возьмусь судить, что стало тому причиной: моя жалость к себе – чувство, которое все пятнадцать оборотов было под строжайшим запретом для меня, или жалость к старому другу, которому тоже нелегко – ни семьи, ни детей, и все потому, что он принял меня как ту, о ком должен заботиться после смерти господина.

– Паршивое наследство, – буркнула я себе под нос.

Не могу сказать, что именно я представляла, когда слышала о храме Двенадцати Парящих драконов, но стоило увидеть его в реальности, как меня буквально пригвоздило к земле. Я не могла насмотреться, не могла заставить себя идти дальше. В спину мне кто-то врезался, скупой ругнулся и тут же исчез. Я же продолжала смотреть на место, где каждый эвей рано или поздно обретает свою судьбу и предназначение, открыв рот.

Огромная площадь, мощенная розовым камнем, а посередине – то, что, наверное, правильнее назвать императорским дворцом, а не храмом. Широкая лестница вела к входу, вдоль нее на высоких каменных колоннах сидели ровно двенадцать драконов. У каждого дракона как отдельного героя истории были свои поза и характер. Первый, вытянув шею, злобно скалился, глядя прямо на того, кто отважился бы ступить на лестницу, ведущую к самому сердцу святыни. Второй дракон смотрел так пристально, точно видел тебя насквозь. Его поза была

напряженной, будто в любой момент он готов распахнуть свои крылья и спикировать со своего постамента. Третий дракон уже расправил крылья и обратил свой рык к небу. Все они, словно ожившие воплощения ликов эвейев, восхищали, пугали, завораживали. Не хватало лишь тринадцатого дракона – праотца Акаши, чей лик изображали очень редко. Сам храм, казалось, парил в воздухе на никому не видимых опорах. Его изящная, изогнутая многоярусная крыша, роспись, которая сочетала цвета и символы двенадцати драконов и их стихий, – все это было настолько удивительно для меня. В какой-то момент я почувствовала, что зрение меня предают, а картинка расплывается, и далеко не сразу я поняла, что это слезы застилают мне глаза. Странная смесь из восхищения и обреченности сплелась в сердце. Я была так счастлива, что оказалась тут. Счастлива, что мне довелось коснуться, пусть и мимолетно, чего-то настолько прекрасного и возвышенного. А еще мне было так жаль, что я не смогу...

– Да что же это, – пробормотала я, утирая нелепую влагу с глаз.

Низко опустив голову, я поспешила туда, где уже собирались эвейи, распределяясь по спирали вокруг храма. Я не знаю, сколько нас здесь. Но, судя по уверенным действиям окружающих, новенькой была только я. Все же занятия с Рэби научили приспосабливаться к любой ситуации. Потому я просто смотрела, что делает большинство, и повторяла за ними. Стоило нам занять свои места, как у входа в храм появился первый настоящий эвей в моей жизни! Я смотрела во все глаза, ощущая, как каждая моя клеточка отзывается на ту силу, что жила внутри этого мужчины. Он был в простом белом кимоно, с забранными в тугую пучок волосами цвета воронова крыла, и, только когда на них падали солнечные блики, по ним пробегал едва различимый голубоватый отблеск. Он поднял открытую ладонь вверх и бросил всего одну короткую фразу на древнем наречии, которую частенько говорил Рэби, призывая к вниманию и началу занятия.

На самом деле Рэби всегда следил, чтобы мы посещали семейную часовню и возносили молитву Парящему Радави, дракону, что покровительствовал огненным эвейям. Даже мои кузены не начинали утро так, как мы. Они посещали часовню лишь в определенные дни и в праздники. В отношении же меня Рэби был непреклонен. Я знала все молитвы и шаги, которые необходимо делать во время их прочтения. Так что, по сути, когда верховный эвей начал монотонно читать молитву, обращаясь к Двенадцати Парящим драконам, а эвейи вокруг меня пришли в движение, точно медленно вздымающееся море, я точно знала, что мне следует делать.

Медленно руки поднимаются вверх – так зарождается жизнь, руки опускаются вниз, а с ними приходят смерть и покой. Следующее движение – точно дуновение первого ветерка, которое перекликается с движением первой капли дождя, что падает на землю. Первый росток и луч солнца, что согревает его в своих объятиях. Песнь жизни, молитва баланса силы и энергии в нем. Мы все связаны – одна нить и одна судьба для мира и всего живого в нем. Дыхание учащается, ускоряются движения, баланс нарушается, и вместе с тем движения становятся рваными, незаконченными и резкими. Хаос обретает верх над гармонией. Но на помощь миру вновь приходят покой и созидание. Каждая молитва эвейя – это своеобразная связка из движений, которые сочетают в себе то ли танец, то ли сражение, где выверены баланс дыхания и течение энергии в нас. К каждому покровителю из двенадцати есть своя молитва, свой танец, с которым однажды мы уходим за Полотно, а уже позднее прибегаем, чтобы творить магию и сливаться со своим отражением. Эти молитвы обычно учат с ранних лет, в конечном итоге именно они станут основой для тэй-до и нашей магии.

Впервые я делала это вместе с таким количеством незнакомых эвейев, но при этом, возможно, из-за того, что это происходило в таком месте, я чувствовала, что все так, как и должно быть. Я была уверена, что моя молитва услышана. Это наполняло сердце радостью.

Когда все закончилось, исполнены все ритуальные поклоны каждому из драконов, эвейи стали расходиться, у каждого было свое расписание. Я невольно замешкалась и не сразу заме-

тила, что толпа передо мной расступается и ко мне движется тот, кого я надеялась больше никогда не встретить. Тем более так скоро.

Конечно же, он шел первым, его светлые волосы выделялись на фоне остальных темно-волосых студентов. И снова это чувство надвигающейся на меня опасности, точно снежная лавина соскальзывает с горы, а я стою, совершенно беспомощная и растерянная, перед ней. Вот именно так я чувствовала себя, глядя, как ко мне приближается наследник, а за ним еще одиннадцать эвейев. Я сосчитала их машинально, как учил меня Рэби, но при этом не запомнила ни одного лица. Сейчас я могла смотреть только в эти холодные светло-голубые глаза, которые точно пригвоздили меня к месту. Казалось, с высоты своего роста и положения он не замечает, что вокруг другие эвейи, а те, руководствуясь какими-то своими внутренними инстинктами, уступают ему путь как можно быстрее. Поравнявшись со мной, он на миг замедлил шаг и скупно бросил:

– За мной.

И тут же прошел дальше, словно одного его слова было достаточно, чтобы я сделала так, как он хочет. «Боги, он же наследник! Конечно, достаточно!» – запоздалая мысль пронеслась в мозгу, пока я несколько секунд сверлила взглядом его спину и соображала, чего от меня хотят. Спohватившись, я поспешила нагнать удаляющегося наследника.

Надо ли говорить, что в этот момент мой организм испытал все температурные изменения из возможных. Сердце обдало холодом, и мне показалось, что оно падает куда-то в пятки, потом по телу прошла обжигающая волна, а меня против воли затрясло. Все это, конечно, я старалась скрыть, но, похоже, мое лицо все же выдавало меня.

– Не бойся, – сказал парень, что шел чуть позади наследника и каким-то образом оказался по правую сторону от меня.

Чего мне стоило не отпрыгнуть от него, я и сама не знаю, но, кое-как сдержавшись, все же просто посмотрела на него, не зная, что должна сказать. Как себя вести: улыбаться? кивать? здороваться?

– Ничего такого, – вместо меня нашелся со словами парень, – так что не о чем переживать. – И он улыбнулся мне.

Я, грубая и неотесанная, непривыкшая к общению девушка, была так ошарашена приветливым отношением и улыбкой этого... красивого молодого мужчины, что только осознание того, что наследник велел мне идти за ним, заставило меня двигаться дальше, а не замереть на месте. Голос этого парня оказался мягким и успокаивающим. Вопреки всем доводам разума, увидев его улыбку, мне захотелось стать другом этому мужчине, чтобы я всегда могла попросить его улыбнуться мне.

– Дилай, – тем временем сказал он, продолжая улыбаться.

– Ив, – хрипло отозвалась я и, тут же взяв себя в руки, отвернулась, решив, что не стоит поддаваться порывам в том месте, где друзей нет и никогда не будет.

Чего я никак не могла ожидать, так это того, что мы, сопровождаемые удивленными взглядами собравшихся, направимся напрямик в храм Двенадцати. С одной стороны, я была очень взволнована тем, что совсем скоро смогу увидеть святыню изнутри. Но мне давно не шесть оборотов, чтобы радоваться вещам, которые не случаются просто так. Это я к тому, что вряд ли наследник и его друзья решили показать мне местные красоты. Если он что-то делает для такого человека, как я, то на это должна быть причина, и вряд ли для меня приятная. В любом случае страшно мне не было. Я привыкла к постоянному ожиданию неприятностей: будь то унижение, побои, пренебрежение, жалость, презрение, – кажется, я была готова к любой ситуации из вышеперечисленных. Важно найти точку опоры внутри, а самое главное – правильно понимать и принимать себя. Я знаю и принимаю тот факт, что мой отец – предатель, поэтому, когда мне в лицо или за спиной говорят об этом, я не испытываю ни боли, ни сожаления. Это правда, и с ней надо научиться жить. Это может казаться несправедливостью,

я могу думать, что это слишком жестоко и больно, но тогда я буду уязвима. Этого я не хочу. Тоже касается и моего тела. Да, оно несовершенно и, возможно, даже уродливо, но что я могу с этим поделать? Ничего. У меня нет власти изменить это. Я не могу побороть свой страх, но мне надо как-то жить дальше. Маленькой, когда только пришла в себя после пожара и впервые увидела свое отражение, я много плакала. Мои раны сильно пугали меня, а вместе с ними и обрушившиеся на меня кошмары, боли в ноге...

Тогда ко мне пришел Рэби и предложил на выбор две сливы: одна кривая и потрескавшаяся, а вторая, напротив, гладкая, блестящая, красивого янтарного оттенка. Конечно, я выбрала ту, что показалась мне красивее и вкуснее. Тогда он надломил ее, и оказалось, что вся ее мякоть изъедена огромным белым червем. А та слива, от которой я отказалась, была на вкус точно пряный мед.

– Это твой первый урок, – сказал тогда наставник. – От того, насколько хорошо ты его усвоишь, будет зависеть, какой «сливой» в итоге ты станешь.

Конечно, тогда я мало что поняла, но постепенно пришла к выводу, что если не найду внутри себя опору, то просто сгнию, как переспелый упавший с дерева плод. Смириться не значит сдаться. Это значит жить дальше так, как ты можешь, не витая в облаках и лживых грезах.

Тем временем мы споро поднимались по высокой лестнице, ведущей в храм. После тяжелой нагрузки моя нога немного подрагивала, я чувствовала неприятную, тянущую боль. На нее легко было не обращать внимания, особенно когда взгляды двенадцати каменных драконов, казалось, направлены прямо на меня. Они были прекрасны. Огромные, хищные, сильные и уверенные в своем бесстрашии и превосходстве. Мне показалось, что мое сердце забилося сильнее, стоило мне столкнуться с рубиновым взглядом Радави. Покровитель огненных эвейев разместился аккуратно посередине лестницы. Рубины в его каменных глазницах сияли в лучах солнца, отчего складывалось ощущение, что кто-то древний и могущественный смотрит на тебя, проверяя, достоин ли ты войти под крышу его дома. По спине пробежал холодок – настолько живым казался этот взгляд.

– Огонь бывает разным, Ив, – вспомнила я слова Рэби во время одной из наших тренировок, – ты видишь в нем лишь боль и страх, но это не так. Твоя тетка не показывает тебе другой стороны пламени огненного эвейя. Но, кроме боли и ярости пламени, огонь может дарить тепло и нежность, быть осторожным. Бесстрашное пламя может уничтожить все на своем пути, но оно точно так же может бесстрашно любить, согревать, защищать до последней искры в сердце.

На пороге нас уже ждал тот самый эвей, что несколько минут назад молился вместе с нами. Это был высокий крепкий мужчина. Телосложение его говорило о том, что ему не претит брать в руки меч и проводить в тренировках свободное время. Было в нем нечто хищное и в то же самое время легкое, можно сказать, изящное. Он чем-то походил на Дорэй, возможно своей царственной осанкой, но, будем откровенны, Дорэй рядом с таким мужчиной выглядела бы деревенской простушкой, а не благородной дамой. От этого эвейя с синими, точно горные фиалки, глазами веяло такой силой, что я невольно подалась вперед, чуя ее всем телом. Как такое возможно?

– Ис Тарой, – тем временем заговорил наследник, пока мужчина, словно не замечая нашего присутствия, смотрел на открывающийся с лестницы храма вид с какой-то отсутствующей полуулыбкой, – это тот, о ком я говорил. – Он кивнул в мою сторону, слегка поклонившись, что само по себе выглядело странно.

Остальные одиннадцать друзей наследника тут же повторили за ним, ну и я заодно, ведь, думается мне, это все не просто так.

Мужчина, продолжая улыбаться чему-то известному только ему, кивнул принцу и тут же обернулся ко мне. Надо сказать, они уже начинали пугать меня своими улыбками. Сначала

этот Дилай улыбается так, точно мы с ним знакомы уже много лет. Теперь вот этот вот тип вдруг улыбается, будто в младенчестве меня потерял, а ноги у него с тех пор не ходят, и найти-то он меня не мог, да добрые люди принесли. Для меня, совершенно непривыкшей к такому радушию, это было не просто подозрительно. Это одновременно выбивало из колеи и заставляло внутренне ошетиниться в ожидании неприятностей. Как оказалось, не зря.

– Ты хочешь узнать, дополнит ли юный эвей твоё Ожерелье силы? – поинтересовался мужчина, явно обращаясь не ко мне.

И надо сказать, если бы он и спросил меня, я бы вряд ли нашлась с ответом. Сам смысл вопроса никак не желал укладываться у меня в голове! Хотелось во все горло заорать: «Чего?!» Но даже на это не хватило бы дыхания, которое вдруг потерялось где-то в груди. Я мысленно уговаривала себя не паниковать. Убеждала себя, что все нормально и, конечно же, я никак не могу подойти для подобного. Но даже само предположение порождало непостижимую панику в душе.

– Что ж... – Продолжая улыбаться, этот эвей двинулся ко мне, и только Двенадцати Парящим дано знать, чего мне стоило не упасть в обморок. – Это легко проверить. Тем более что юный Игнэ прибыл, как раз когда огненные знаки готовятся ко сну, вобрав в себя всю энергию, что им должно в пик своей активности.

Я не поняла ни слова. Может быть, он прорицатель и его стихия – Дух? Хотя о чем я говорю, это же стихия императорской династии! Тогда...

– Ошибки не будет, Китарэ, – обратился он к наследнику. – Сегодня ночью придет сильный шторм, – прикрыв глаза, точно прислушиваясь к чему-то, продолжил он, – так что время как раз подходящее. В час безмолвия буду ждать вас здесь. – Он кивнул мне, но я-то понимала, что все это время он разговаривал не со мной, а с наследником. – Тогда и смогу дать ответ на твой вопрос. – И, еще раз осветив каждого из нас своей улыбкой, он, не дожидаясь ни от кого конкретно ответа, повернулся спиной и бесшумно удалился вглубь храма.

– Ты все понял?

Я продолжала смотреть вслед удалившемуся эвейю, который, как я догадалась, был Верховным настоятелем храма Двенадцати Парящих драконов, и не сразу сообразила, что наследник обращается именно ко мне. Особенно учитывая то, что я в принципе пока не привыкла, когда ко мне обращаются как к мужчине. Я могла, конечно, сказать, что ничего не поняла, но вряд ли хоть кто-то решился бы объяснить мне, что тут происходит. Потому я просто сказала:

– Да.

Я знала, что в стенах храма и на его территории не действовали традиционные сословные ограничения между учениками. Тут это считалось оскорбительным по отношению к духам, что живут за Полотном, и к двенадцати богам, чьей святыней был храм. Только Двенадцать Парящих заслуживали почтения здесь, остальные были равны. Это закон. Потому я решила, что больше не хочу тут оставаться. Еще немного, и я могла начать задыхаться прямо на глазах у этих парней и наследника! Я просто развернулась и начала спускаться по лестнице. Сказать мне было нечего, спросить о чем-то я бы не отважилась. Лучшее, что я могла сделать, – это уйти и привести свои чувства в порядок.

* * *

Китарэ смотрел вслед удаляющейся фигуре и, говоря откровенно, испытывал то самое чувство, когда от изумления теряют дар речи.

– А он с характером, – усмехнулся Дилай, вставая рядом и провожая взглядом потомка проклятого рода. На губах друга играла привычная легкая улыбка, значение которой наследнику всегда было трудно разгадать: то ли он рад чему-то, то ли скрывает одному ему известную тайну.

– Нет слов, – пробормотал Китарэ.

– Ну, не зря говорят, что кровь не водица, – заметил Рэйвон, вставая по другую сторону от него.

Он еще одна жемчужина в его Нити. Высокий и крепкий, точно скала, он казался гораздо старше своих друзей, но был намного простодушнее. Стихией его рода была земля. Должно быть, как и легкость в характере Дилая, у Рэйвона проскальзывали черты, характерные для эвейев, рожденных под покровительством этой стихии.

Все они уже давно были вместе. Учились, проводили свободное время, соревновались и старались как можно лучше узнать друг друга. Чем ближе они будут, тем естественнее образуется между ними связь. В каждом из звеньев своей будущей Нити Китарэ в той или иной степени угадывал отражение себя самого. Они одновременно должны быть и похожими, и совершенно отличаться друг от друга – на этом держались баланс и сила их Нити.

– Да брось, – отмахнулся Дилай, – если он подойдет, мы должны будем принять его, потому не стоит начинать с вражды.

– Твое миролюбие иногда доходит до абсурда, – покачал головой Рэйвон.

– Хм, – усмехнулся Дилай, предпочитая умолчать о том, что это скорее дальновидность.

– Этот парень действительно нечто, – все же не удержался еще один друг Китарэ – Ари. – «Да», – передразнил он чужака, состроил пренебрежительную гримасу и демонстративно отвернулся от присутствующих. – Даже если нам не стоит начинать с вражды, то не от него ли зависит, с чего мы начнем? Мог хотя бы притвориться, что рад знакомству...

– А я люблю тех, кто не пытается заслужить одобрение окружающих. – Дилай пожал плечами. – Честность в наши дни – все одно что слиток золота, забытый кем-то посреди дороги, – редкое явление.

– Ты правда примешь его, если он пройдет испытание? – поинтересовался Ари, сделав вид, что не заметил замечания Дилая.

Некоторое время Китарэ молчал, провожая задумчивым взглядом фигуру сына своего врага. Прошлой ночью он много думал над тем, что делать, если все же потомок Игнэ подойдет ему. Умом он понимал, что тогда не останется ничего, кроме как начать выстраивать с ним связь. Но гнев сжимал сердце тисками, стоило только представить, что подобное может произойти. И вновь он постарался совладать с эмоциями и подступающим приступом. Он не даст себе пропасть в этой темноте. Не из-за ничтожного Игнэ!

– Приму, – сквозь зубы процедил он. – Нам пора, – бросил он друзьям, направляясь в сторону лестницы.

До часа безмолвия еще целый день и вечер, а стало быть, есть занятия, пропускать которые он не собирался.

* * *

Я шла, не разбирая пути. Мимо мелькали одинаковые коричневые пятна в виде фигур эвейев, зеленые шапки кустов и размытые силуэты зданий. Мне казалось, что дорога под моими ногами, точно розовая хищная змея, то набрасывается на меня, то отступает. Голова кружилась, а к горлу подступала желчь. В такие моменты я особенно ненавидела себя! К демонам мое уродливое тело, но панические атаки делали меня по-настоящему безобразной и трусливой! Невозможность им противостоять и справляться с ними, хотя бы сохраняя лицо... Хотя бы не испытывая чувства позора за собственную слабость.

Сердце продолжало стучать так, что казалось, все вокруг слышали его нестройный рваный ритм. Дыхание стало хриплым. Еще немного, и я потеряю сознание. Я знала, как обычно заканчиваются такие приступы. Но не могла им противостоять! Все, что мне удавалось, – это уйти подальше и спрятаться, пока тело вновь не будет способно слушаться.

Резко свернув с дороги за первый более-менее большой куст, я рухнула на колени, зажимая голову руками и припадая к земле, стараясь дышать короткими вдохами, чтобы снять спазм с легких. Далеко не сразу, но все же мне это удалось. Опираясь на дрожащие руки, я кое-как перевернулась и села, опершись спиной о чахлый ствол одного из молодых деревьев, что росли рядом. Подтянув к животу ноги, обняла их руками. Я понятия не имела, где нахожусь и надо ли мне куда-то идти. Прямо сейчас мне было решительно все равно, даже если это было и так.

– Во что ты втянула меня, любезная Дорэй? – пробормотала я, не дожидаясь, разумеется, конкретного ответа.

Мало того что меня считают сыном проклятого Игнэ, так теперь еще планируют испытать, не подойду ли я для Нити наследника! Разумеется, нет! И что тогда? А если да? Я дважды умолчала о том, что я девушка. Я обманула не только наследника, но теперь и верховного эвейя храма Двенадцати! Мой отец хотя бы не утащил нас всех с собой на тот свет...

– Поздравляю, Ив, за два дня ты отлично справилась! Осталось поставить финальную подпись на смертном приговоре, и род Игнэ исчезнет, как ему и полагалось пятнадцать оборотов тому назад. Отличная работа. Молодец, – прошептала я, боясь даже представить, к чему может привести мое появление в храме и молчание. – Дорэй, тварь! – Ударив ладонью о землю, я в бессильной ярости прикрыла глаза, не представляя, что мне делать дальше.

Поднявшись, я только начала поправлять свое кимоно, чтобы выйти из кустов, не привлекая к себе внимания, как железная хватка сомкнулась на моем предплечье. Меня с силой дернули и заставили обернуться. Прямо надо мной нависал тот, кого я никак не ожидала увидеть тут и тем более так скоро. Эдор. Мой двоюродный брат прямо-таки излучал гнев. Его черные глаза с ненавистью смотрели на меня. Губы сжались в тонкую линию. Каждая мышца в его теле была напряжена. Мужчины нашего рода всегда отличались высоким ростом и крепким телосложением, вот и Эдор не был исключением.

– Все-таки явилась, – сквозь зубы процедил он. – И уже поняла? – выразительно оглядывая мое кимоно, сказал он. – Мать написала мне, чтобы я все объяснил тебе и сделал так, чтобы ты осознала, где твое место! – прошипел он. – Только попробуй что-нибудь выкинуть! Если по твоей милости мы потеряем возможность вернуть наш род на положенное ему место, ты даже представить не можешь, что я с тобой сделаю...

Представляю, как испугалась бы любая нормальная девушка, встретить она в кустах агрессивного мужчину таких размеров, как мой брат. Вот только... я никогда не была нормальной.

– Наконец-то, – прошептала я, позволив себе улыбнуться в предвкушении, тут же резко уходя из его захвата и до хруста выворачивая его запястье.

Удушливая волна живительного гнева растекалась внутри меня, заставляя сердце с предвкушением стучать в груди. Эдор со стоном упал на колени, и теперь уже я была той, кто нависал над ним, а не наоборот.

– Ну, здравствуй, братик. Вы с твоей мамашкой кое-чего так и не поняли, да? Я не трогаю только ее. Ты же, моя маленькая надежда, был в такой чарующей безопасности, пока она была рядом, и тебе хватало ума не лезть ко мне, – почти в губы прошептала я, с силой сжала кулак и впечатала его в полуоткрытый рот Эдора.

Из рассеченной губы тут же потекла кровь, а мой брат протяжно застонал. Кажется, он до сих пор не мог осознать, что я ломаю ему запястье.

– Что? Больно? – почти ласково поинтересовалась я, еще сильнее выкручивая ему руку и слушая характерный хруст. – Это же хорошо, Эдор, это же, демоны тебя разорви, так хорошо! – Я беззвучно засмеялась, отпуская его руку.

Когда он повалился на землю, я не смогла отказать себе в удовольствии ударить его ногой по лицу. Теперь кровь хлынула из разбитого носа.

– Не смей угрожать мне, маленький ублюдок, иначе у меня хватит ума отправить нас всех на плаху, понял? Подумай о жизни, дорогой брат, и запомни: если мне нужна будет помощь, чтобы выжить в той лжи, что вы с твоей ненормальной матерью наворотили, будь готов помогать! – Схватив за волосы, я оторвала его голову от земли и заглянула в глаза. – Понял? – с нажимом спросила я и, лишь увидев согласный кивок, отпустила, позволив своему драгоценному брату наслаждаться спокойствием в зарослях кустов.

Оправив кимоно и вытерев кровь с рук травой, я почувствовала, как ко мне возвращается душевное спокойствие и уверенность в собственных силах. Хорошо, что кузен так удачно подвернулся, хоть в себя пришла немножко.

Я не буду сдаваться, а просто попробую выжить с наименьшими потерями. Что бы кто ни говорил, а шанс есть всегда. В конце концов, не стоит спешить, а лучше подумать, как все правильно обыграть. Думается мне, если сегодня во мне закономерно не обнаружат ничего полезного для наследника, то я уже не буду интересна никому. А это шанс просуществовать здесь ближайшие пол-оборота без лишнего внимания. Надо просто приспособиться.

Я выудила из кармана небольшой свиток с надписью «Расписание до распределения» и решила ознакомиться со своим расписанием дня подробнее.

Рэби всегда говорил: если хочешь оставаться незаметной, то делай как все, не пытайся быть лучше или хуже. Именно так я планировала жить в стенах храма. А стало быть, следовало вливаться в общий поток. Как оказалось, «Расписание до распределения» было замечательнейшей вещью, и, если бы оно не менялось, я осталась бы в стенах храма с превеликим удовольствием. Все, что от меня требовалось, – это посещать общую молитву с утра и есть три раза в день в общей столовой. Ах да, после часа безмолвия и до часа красного петуха запрещалось покидать стены общежития.

– Замечательно, – пробормотала я себе под нос, сверяясь с картой и пытаясь понять, где сейчас нахожусь и куда следует отправиться, чтобы не опоздать на завтрак.

Конечно же, я заблудилась. Нужно здание нашлось, когда трапеза была уже в самом разгаре. Немного огорчало, что столовая стояла особняком от жилых и учебных корпусов, и, чтобы сюда добраться, пришлось изрядно поплутать. Но, судя по доносившимся изнутри запахам, оно того стоило. Это было одноэтажное строение из темного дерева с широкими окнами и изогнутой крышей. Оно утопало в зелени и заботливо высаженных вокруг цветах. Обеденные зоны располагались как внутри, так и снаружи – на веранде, которая опоясывала здание. Здесь стояли столы приблизительно на шесть человек, которые занимали те, кто не хотел есть в духоте обеденного зала. Я бы тоже с радостью обедала тут. Жалко, нет столиков для одного...

Я поднималась по лестнице в зал, когда до моего слуха долетела фраза, брошенная одной из девушек, что обедала с подругами на улице. И я бы не обратила на их взволнованный щебет ни малейшего внимания, если бы не услышала собственное имя.

– Смотри, смотри, по-моему, это он, бешеный Игнэ, – тот, кто сегодня может дополнить Нить императора, – достаточно громко, чтобы я могла услышать, прошептала девица, заставляя меня сосредоточенно ловить каждое ее слово, медленно поднимаясь по лестнице.

– Не может этого быть, – взволнованно отозвалась ее подруга. – Посмотри только, какой надменный у него вид. Неужели это и правда он?

– Я сама видела! Ты не представляешь, что он сделал с Эдором! На нем живого места нет! Столько крови... Он почти убил его!

– О нет! Но как же так?! Ты уверена?

– Спроси у Эль, если мне не веришь, она тоже видела.

– Но за что?!

– Говорят...

Что там говорят, дослушать я так и не смогла, поскольку была уже у дверей, ведущих в столовую. Надо сказать, не встретив я Эдора, наверное, запаниковала бы из-за того обилия

домыслов и вранья, что буквально облепили меня за последние дни. Я, Ивлин Игнэ, – девушка, привыкшая к мысли, что ей никогда не ощутить себя полноценной частью этого общества; не стать эвейем, заслуживающим уважения; не смыть клеймо позора с рода даже ценой собственной жизни, – за каких-то неполных двое суток превратилась в бешеного и заносчивого наследника рода, который вот-вот войдет в Нить жемчуга императора и которого уже бояться упоминать вслух, перемывая ему кости за спиной.

Что ж, стоит меня поздравить, теперь к моим регалиям добавится почетное звание «сумасшедший», поскольку не думаю, что кто-либо еще позволил бы себе так зловеще хохотать в полный голос, стоя у входа в столовую.

Глава 5

Первые сумерки я встретила в собственной комнате. Размышлять о ситуации, в которой я оказалась, не было ни сил, ни особого желания. Единственное, чему я не уставала удивляться, – это насколько потрясающим манипулятором была моя тетка. Моя параноя разыгралась до такой степени, что мне казалось: любой, даже самый незначительный ее поступок имел второе дно. Чего стоят собранные мне в дорогу кимоно! Мне казалось, что она сделала это из жадности и вредности, а что же по факту? Она знала, что я не смогу их носить, стало быть, прибуду в храм в том, что было, – в потасканных вещах Эдо-ра! А значит, ее ложь станет уже моей ответственностью. Да, вот случилась ошибка, меня неправильно записали в реестре, но почему же я с порога не рассказала о возникшем недоразумении? Хорошо, почему не сделала этого на следующий день? Потому что дочь Игнэ такая же гнилая, как и ее отец.

Я сидела на полу, поджав ноги, и наслаждалась пением цикад за окном, позволяя легкому теплему ветерку гладить мои волосы. На подоконнике сохли мои вещи, а я думала о том, сколько еще я не знаю. Казалось, что меня стремительно затягивает в какой-то причудливый водоворот и только от меня зависит, утащит он меня на самое дно или вынесет в огромный океан, где я наконец-то смогу понять этот мир без лжи и тайн. Должна ли я пустить все на самотек и посмотреть, куда меня в итоге это все приведет? Впервые я стала задумываться, сколько на самом деле знаю о том, что сокрыто от меня? Сколько из того, что я знаю и во что привыкла верить, правда? Я своим звериным чутьем чуяла, что это далеко не последнее мое открытие о собственной семье...

Я привыкла, что от меня никогда ничего не зависело, но продолжала плыть дальше, как бы ни было тяжело. Впредь я не собиралась изменять себе. Наша судьба найдет нас, как бы мы ни пытались этого избежать. Все, что остается таким, как я, – это до последнего держаться на плаву.

– Да, – тяжело выдохнула я, поднимаясь с пола, – просто плыви, Ив. В первую очередь надо решить все вопросы с наследником, остальное отпадет само собой. Никому не интересны бесперспективные наследники проклятых родов без гроша в кармане.

Я пришла к храму за час до назначенного времени. Оставаться в четырех стенах дольше и изводить себя мыслями и задачами, решить которые не могла, я больше не желала. Остановившись у начала лестницы, я подняла голову вверх и стала рассматривать морды величественных драконов. Тут же возникло ощущение, что и они смотрят на меня, точно знают обо мне то, что мне самой не дано знать о себе. Казалось, я могу простоять так всю ночь, чтобы побыть рядом с этими таинственными созданиями и чувствовать, что они также заметили меня. Интересно, кто их создал? Должно быть, это был великий скульптор.

– Ты рано, юный Игнэ. – Голос, раздавшийся в ночной тишине, был столь неожиданным, что я едва удержалась, чтобы позорно не вскрикнуть, и удивленно обернулась.

Позади меня все такой же невозмутимый стоял Верховный эвей храма Двенадцати Парящих драконов. Он был в том же простом белоснежном кимоно, к которому теперь добавился

такого же цвета халат, и лишь широкий белый пояс был расшит перламутровыми узорами, в которых отчетливо виднелись очертания парящих в замкнутом круге драконов. Как он сумел так бесшумно подойти, я не бралась гадать, – все же он был настоящим эвеем, обретшим свое отражение.

– Да, – выдохнула я, понятия не имея, как себя вести наедине с этим мужчиной.

Ис Тарой тем временем легко улыбнулся и уверенно обошел меня, подходя к началу лестницы.

– Что ж, раз ты уже здесь, то нам стоит подняться вместе, – сказал он, ступая вверх по лестнице.

Вовремя спохватившись, я тут же догнала его.

Он шел не спеша, сведя руки за спиной, точно был на прогулке с другом.

– Я рад, – улыбнулся он, посмотрев куда-то вверх, – что ты все же пришел туда, где должен будешь родиться вновь.

Ну что я должна была сказать ему в ответ? Что и я рада? Вот уж вряд ли. Сама не знаю почему, но я не смогла солгать этому мужчине. Вопреки всему, он казался мне каким-то невероятно добрым и искренним эвеем... и, как бы глупо это ни прозвучало, мне было стыдно обманывать его.

– Не могу сказать того же, – тихо ответила я.

Уж не знаю, что в этом было забавного, но улыбка на его губах стала лишь шире.

– Конечно, – согласился он. – Ты знал, что наша стихия определяет наш характер? – вдруг поинтересовался он.

Отрицательно покачав головой, я решила не перебивать его и просто выслушать.

– Стихия изменчива, проявления ее отличны в тот или иной момент. Вот, например, стихией моего рода является вода, а покровителем – Тузем. – С нескрываемым почтением он склонил голову перед каменным изваянием, олицетворяющим покровителя его стихии. – Какой тебе кажется вода?

– Непостоянной, – брякнула я, вовремя не успев прикусить свой не в меру длинный язык, в то время как Верховный и вовсе развеселился, захохотав в голос.

– Ну да, – отсмеявшись, согласился он. – Не могу не признать твоей правоты, – сказал он, продолжая рассматривать своего покровителя.

Скульптор, создавший эту статую, словно всей своей сутью прочувствовал характер этого существа. Дракон изогнул шею, сложил крылья за спиной и застыл в яростном рыке. Но стоило посмотреть на него под другим углом, и уже казалось, что он всего лишь довольно щурится. С одной стороны, он готовился к атаке, а с другой, напротив, желал вернуться от нее.

– Посмотри на Радави. Как думаешь, почему они замерли друг против друга? – спросил ис Тарой.

Если Тузем казался неуловимым, то дракон, покровитель моего рода, напротив, выглядел неустрашимым и мощным. Радави широко расправил крылья, словно вот-вот оторвется от земли и ринется в бой.

– Они противостоят друг другу. Мне кажется, это вполне логично, что огонь и вода...

– Они уравнивают друг друга, – поправил меня Верховный эвей. – В противостоянии кроется баланс. Видишь, рядом с Радави всегда Пхутху? – указал он на дракона, повелителя ветров. – Он его поддержка. Каждый из них, – обвел он рукой статуи, – не враги друг другу, а противовес и поддержка, вместе рождающие баланс и гармонию. Стоит убрать одного, и все рухнет, – тяжело вздохнул мужчина. – Огонь может быть слабым и едва ощутимым, он может быть чуть теплым, прячущимся и задыхающимся без воздуха или едва тлеющим из-за нехватки дров, но такой огонь никогда не сможет встать в противовес остальным. Он просто не разгорится и угаснет окончательно.

Мужчина стал подниматься дальше, а следом и я.

– Что вы хотите этим сказать?

– Всего лишь то, что говорю. – Он пожал плечами. – После смерти Ниромы я не могу найти противовес остальным. Китарэ сильный, очень сильный, настолько, что самому ему не совладать с тем, что придет к нему за Полотном. А для того, чтобы он справился, нужна Нить, которая уравновесит его и распределит силу так, что она покорится Двенадцати. Со смерти Ниромы Игнэ я еще не видел ни одного огненного эвейя, способного совладать с этим, потому я не стану скрывать от тебя, что надеюсь, что сегодня мои поиски завершатся. Времени почти не осталось.

– А что, если не подойду и я? – поинтересовалась я, остановившись позади него. – Что, если нет?

Несколько секунд мужчина молчал, а потом лишь слегка обернулся ко мне – так, что я могла видеть лишь его профиль, и скупое бросил:

– Лучше бы тебе подойти. – И вновь стал неспешно подниматься.

Не было в этой фразе ни агрессии, ни вызова, он просто сказал это. Но на краткий миг с него словно слетела вся эта показательно-добродетельная шелуха. Всего секунда, и его взгляд, какая-то едва ощутимая интонация в голосе вернули меня с небес на землю и дали осознать, что не стоит так глупо и безотчетно заблуждаться. Иногда улыбка, мнимое дружелюбие, спокойная интонация в голосе – это всего лишь жесты, которые предназначены для того, чтобы усыпить нашу бдительность. Теперь я смотрела на иса Тарона так, словно передо мной был могучий океан, который лишь кажется миролюбивым и спокойным до первого ветра, до первой вспышки молнии он всего лишь дремлет.

Словно вторя моим мыслям, стоило нам ступить на последнюю ступеньку лестницы, как небо над головой разрежала яркая вспышка начинающейся грозы. Ис Тарой с удовольствием втянул носом воздух, чуть прикрыв глаза, которые на миг преобразились. Такого я не видела никогда прежде! Темные точки зрачков вдруг вытянулись в продольную ниточку, словно напоминание о том, кто живет за телесной оболочкой, и вновь вернулись в прежнее состояние.

– Жаль, – выдохнул он, – такой шторм придется пропустить! – Он улыбнулся с радостным предвкушением. – Когда впервые встанешь на крыло, ты поймешь, о чем я. Рассказы ничто! Такое надо пережить... Что ж, мы вовремя оказались под крышей, надеюсь, остальные не заставят себя ждать.

Все это время Верховный эвей продолжал всматриваться в ночное небо, с которого уже начали падать первые капли дождя, обещая беспокойную ночь. И каждый раз, стоило молнии окрасить небосвод, я отчетливо видела его лицо, которое преображалось, и в нем все больше прослеживались звериные черты. Станным образом это не пугало меня. Напротив, будило внутри что-то древнее, давно забытое и сдерживаемое. Эти инстинкты откликались на зов истинного эвейя, точно чувствуя и слыша родственную душу, сокрытую в человеческой оболочке.

– Чувствуешь, да? – Он немного безумно посмотрел на меня. – И я слышу тебя, девочка, – почти прошептал он, отчего мое сердце ухнуло куда-то вниз.

Некоторое время мы продолжали просто смотреть друг на друга. Мое сердце билось так мощно, гулко, заполняя своим ритмом каждую клеточку. Я боялась и в то же самое время испытывала необыкновенное облегчение оттого, что не должна больше лгать! Но я не знала, почему этот эвей выглядит таким спокойным и даже довольным.

– К сожалению, твои мысли мне все же недоступны, – продолжая удерживать мой взгляд, тихо сказал он.

– Я не знаю, что должна сказать, – ответила я.

Я не хотела ему лгать и ясно понимала, что не должна этого делать. Но и оправдываться я не желала. Что бы я ни сказала, это выглядело бы лишь как жалкое оправдание лжи.

– Ты очень похожа на своего отца, – немного грустно произнес он. – Истинно огненный эвей. Мне не нужны оправдания, я слишком долго живу, чтобы понимать, как стоит поступить, чтобы обезопасить свою семью. Дорэй всегда была ползущим по земле огнем, который найдет, как утолить свой голод, чтобы выжить. Но она никогда не станет стеной, которая сможет своей мощью защитить, не таясь и ничего не боясь, потому она нашла отражения за Полотном. Потому же, я верю, чувствую, это сможешь сделать ты.

– Я...

– Не стоит сотрясать воздух. – покачал он головой, разрывая наш зрительный контакт, – я даю свое разрешение.

– Разрешение? – нахмурилась я, окончательно теряя нить нашего разговора.

– Если ты подойдешь Китарэ, то твой пол не будет иметь ни малейшего значения. Я улажу это. Ты сможешь пробыть здесь положенные пол-оборота, после того как вернешься с той стороны...

– Вы так говорите, словно точно знаете, что это произойдет! Рисуете мою жизнь с такой уверенностью и, должно быть, ожидаете благодарности? Думаете, я боюсь того, что со мной могут сделать без вашего покровительства? Думаете, меня волнует, что будет с Дорэй или с ее детьми? Если вы рассчитываете на мою благодарность или хотя бы толику признательности, чтобы манипулировать мной, то я не та игрушка, которая вам нужна. Мне плевать, что все, кто мне до сих пор встретился в храме, слепы и не могут рассмотреть то, что у них под носом. Я такая, какая есть, и неважно, девушка я или юноша. Нарядные платья не изменят сути, не сделают меня кроткой и послушной.

– Я же говорю, – вновь развеселился этот, без всякого сомнения, древний эвей, – истинно огненный эвей! Слепой и жадный в своей ярости, беспощадный и жестокий под принуждением чужой руки, непреклонный в своей решимости и... такой настоящий и преданный в своей любви к тем, кто ему небезразличен. Не злись, наследник дома Игнэ, ты нужен мне и нужен Китарэ. Не ищи второго дна, однажды ты поймешь, что, даже когда оно есть, это вовсе не плохо. Не старайся искать врагов там, где их нет. Если ты применишь эту ситуацию такой, как она есть, то, возможно, все будет для тебя гораздо легче и проще. Что ж, в любом случае у нас еще будет возможность поговорить об этом. – Он негромко хлопнул в ладоши и прошел мимо меня, направляясь внутрь здания.

И только сейчас я поняла почему: по лестнице поднимались наследник и его друзья. Отрадно было видеть, что сегодня промок он, а не я. Наши взгляды на мгновение встретились, и уже ставшее привычным оцепенение вновь сковало меня. Сама не знаю почему, я всякий раз забывала дышать, когда встречалась с ним взглядом. Наверное, по правилам следовало поприветствовать их, но мне это показалось не самой лучшей идеей: махать рукой или кричать «привет», стоя наверху и глядя сверху вниз, было бы похоже на издевательство.

* * *

Как и в любом месте, в той или иной степени изолированном, а стало быть, превратившемся в замкнутую общину, эвейи становились необыкновенно восприимчивы к любым изменениям в их крошечном мире. С появления наследника рода Игнэ, окутанного множеством тайн и недомолвок, прошло без малого полтора дня, а Китарэ уже легко мог написать книгу под названием «Легенды о проклятом наследнике». Чего он только не наслушался за время обеда! О том, что юный Игнэ необыкновенно дерзкий и надменный; не успел явиться в храм, как снискал себе покровителя в лице наследника, и якобы появление его здесь обусловлено лишь желанием отомстить собственному кузену, которого он едва не убил в первый же день! Был в тех рассказах Игнэ и несчастным влюбленным, у которого кузен увел любимую женщину, и злобным огненным эвейем, который всегда и во всем завидовал двоюродному брату. А

еще наглый, дерзкий, заносчивый и даже «обалдеть какой крутой» Игнэ фигурировал в самых разных ипостасях. К концу трапезы Китарэ уже готов был отрезать собственные уши, чтобы перестать слышать со всех сторон ненавистное имя. Пожалуй, страдал от этого в основном только он, потому как уже ступал за Полотно и отчасти претерпел изменения, как и некоторые полноценные эвейи. Большинству же послушников было только в радость обсудить новенького и наградить его тем или иным званием. Все было как всегда. Девочки получили нового несчастного, всеми гонимого и порицаемого героя и борца за единственную любовь. Мальчики нашли новый объект, который срочно необходимо проверить на прочность. Китарэ же заработал мигрень.

Их взгляды вновь встретились в тот самый момент, когда небо осветил кривой росчерк молнии. Игнэ смотрел прямо на него. Глаза в глаза, и ни тени страха. Обычно на него никто не отваживался смотреть так. Казалось, этому эвейю абсолютно безразлично, кто перед ним. Даже друзья Китарэ – те, что вошли в его будущую Нить, при первом с ним знакомстве робели, отводили взгляды, не знали, как им начать выстраивать связь и общение. Этот Игнэ был не из таких. Он просто смотрел на него так, словно считал себя равным. Взгляд его черных бездонных глаз был пугающим. Иллюзия или наваждение, но ему казалось, что, начни он всматриваться в них, провалится туда, где не готов оказаться. Пугающее чувство. Станный эвей.

Стоило им подняться на последнюю ступень, как Игнэ нелепо махнул рукой вперед, буркнул что-то вроде: «Туда», и отвел взгляд с таким видом, словно устал от них от всех.

Китарэ хватило мудрости сдержаться, он, лишь слегка кивнув, направился внутрь храма. Пора было с этим заканчивать.

Сколько раз за последние несколько лет он бывал в главном зале храма в сопровождении своих уже почти братьев в надежде закончить Нить и хотя бы отчасти уравновесить собственное положение и определить будущее! Сложно сосчитать. Был тут и кузен Игнэ. В день того испытания Китарэ впервые почувствовал на себе отдачу лопнувшей Нити. Связь едва зацепилась на кузене Ива, но не выдержала и первого потока хлынувшей по ней общей энергии. Первая радость, что удалось зацепиться, сменилась почти физической болью и жесточайшей отдачей, которая едва не свалила его с ног на несколько дней. Никто, кроме него, не ощущал последствий провала. Он был связующим звеном, сквозь которое проходили все нити. Кажется, сейчас, вставая в центре святилища и поднимая взгляд к потолку, где над ним в идеальном круге парили двенадцать высеченных из мрамора крылатых чудовищ, он был готов ко всему. Очередной провал? Ерунда. Он привык. Почти привык и почти смирился. Всяко лучше, чем принять тот факт, что ему придется назвать сына убийцы собственного отца братом. Как принять подобное, он не знал.

Тем временем каждый из его друзей занимал положенное ему в круге место. Рэйвон, крепкий и упрямый, так похожий на Притви, покровителя тверди; Гидео и прародитель его рода Ладору, покровитель всего, что произрастает из земли, – его место по праву рядом с Рэйвоном; дальше Широн и его праотец Аттави, металл, что покоится в недрах земли. Ари встал на место, предназначенное для Тувема, повелителя воды; следом Тео и повелитель молний и штормов Иссури; Раиль, вставший под крылом Ови, дракона, которого не существует, ведь он время, которого нет; следом близнецы Эрон и Норэ, их драконы – это жизнь и смерть, которые всегда ходят рука об руку и есть не что иное, как отражение друг друга. Их имена одни из древнейших в мире. С тех самых времен, как существуют Яла и Ила, существуют они все. Биар под знаком Риво – первобытного хаоса, откуда все они пришли. Иман, как связующая оба мира тень, встает под крылом Саро. Последним был Дилай. Он занял место Пхутху, повелителя ветров. Рядом с ним должен был встать в круг Ра дави... Сегодня это будет Игнэ. А в центре под знаком первого из драконов уже привычно стоял Китарэ. Его имя не принято называть, просто потому что он был рожден раньше всех и пришел в этот мир, создавая все вокруг. В древних манускриптах его зовут Акаши – дух, эфир, материя, которой не существует, способная при-

нимать любую форму. Вместе им предназначено стать единым целым, тем самым балансом стихий, который способен обеспечить процветание их миру.

Стоило Иву Игнэ встать лицом к лицу с Китарэ, замкнув тем самым круг, как их взгляды вновь встретились. В полумраке церемониального зала лицо его врага казалось смутно знакомым. Должно быть, из-за игры света наследнику вдруг подумалось, что когда-то очень и очень давно он видел эти необыкновенно черные глаза, на самом дне которых плескались тоска, боль, страх... Словно наваждение! Эмоции, странные обрывки каких-то воспоминаний и ощущений вдруг нахлынули на него. Сквозь неяркие блики ламп он смотрел на сына своего врага, а казалось, видит того, кого давно потерял, по кому долго скучал и только сейчас узнал. В груди вдруг странно защемило и стало больно дышать...

Тем временем ис Тарой уже начал читать молитву, призванную пробудить в каждом из них ту энергию, что однажды проведет их за Полотно и обратно. Его монотонный голос точно проникал под кожу, заставляя все внутри вибрировать и откликаться на этот зов.

«*Не забывай!*» — едва слышный шепот точно ужалил, и Китарэ едва смог устоять спокойно. Только галлюцинаций ему не хватало! «Пожалуйста, только не сейчас!» – взмолился он, надеясь, что сегодня обойдется без приступов. Только не здесь и не при том, перед кем он никогда не должен показывать своих слабостей.

Голос иса Тарона становился все более низким, слова молитвы наполнялись особой вибрацией и силой. Каждый эвей в круге чувствовал, как эти древние слова касаются их пока не разбуженной крови, обволакивают тело и сознание, пробуждая дремлющую силу и вытягивая ее, чтобы тончайшие нити устремлялись к Китарэ, проходя сквозь него. Наследник Игнэ, казалось, и вовсе окаменел от происходящего. Его взгляд стал пустым, лицо побелело, кулаки с силой сжались, и Китарэ впервые увидел, насколько страшно сейчас этому парню. На самом деле первое прикосновение к силе, ее пробуждение было похоже на первый вдох полной грудью. Краткое знакомство со своей истинной сущностью будоражило кровь, заставляло терять голову от ощущения собственного превосходства. Ты словно рождался заново, но уже тем, кем и должен быть изначально. После первого пробуждения силы каждый из них в предвкушении ожидал того момента, когда сам сможет призвать свою силу и вылупиться из серой скорлупы прежнего тела. Краткий миг знакомства с собой не мог пугать! Он заставлял с нетерпением ждать того дня, когда закончатся будни ученичества. Всякий раз после испытания на совместимость, чтобы создать Ожерелье, каждый из них испытывал что-то вроде дичайшего похмелья, как после хмельной ночи, полной куража и веселья.

Пока только ису Тарону было по силам вытащить их нити силы в этот мир. Но даже такие крохи заставляли желать большего. Почему же Игнэ выглядел таким испуганным, точно вот-вот потеряет сознание или сбежит?

Так или иначе, но теперь настала пора и для Игнэ замкнуть круг Китарэ. Верховный эвей встал за его спиной, и Ив показался особенно маленьким и хрупким рядом с этим мужчиной. Тем временем ис Тарой, так и не позволив себе хотя бы на секунду оборвать призывающую молитву, поднял руку, и в его ладони мелькнул уже хорошо знакомый Китарэ серебристый кинжал. Голосовые вибрации становились глубже, ритм молитвы вновь изменился, ускорился, призывая огонь в этот мир, пробуждая его. Краткий вздох Ива и распахнутые, полные ужаса глаза, когда мимолетное движение руки иса Тарона рассекло запястье молодого эвейя, а на пол быстро закапала алая кровь. Первая жертва Радави принесена. И великий дракон позволит на краткий миг пробудить свою кровь раньше, чем это станет возможным.

Тончайшая нить силы устремилась к Китарэ от Ива, и, как только она соприкоснулась с ним, его мир перевернулся. Никогда прежде, сколько бы раз перед ним ни стоял один из возможных кандидатов, он не переживал ничего подобного. Его расколотая на части душа, измученный постоянным контролем, приступами гнева и бесконтрольной яростью разум вдруг обрели свою целостность и ясность. Ему стало легко и хорошо. Сила двенадцати эвейев, его

Ожерелье императора впервые ощущалось им как нечто завершенное и гармоничное. В сердце не осталось потаенных страхов, ненависти, гнева. Все встало на свои места. Этот краткий миг, что длился не дольше крошечного вдоха, казалось, он запомнит навсегда! Он чувствовал полное умиротворение, словно стоял на залитом летним солнцем лугу, на берегу лесного озера, ощущал дуновение ветра. Мир и покой сплелись вокруг него и потерялись в безвременье. Он не знал, с чем еще мог бы сравнить обрушившиеся на него эмоции. Такого Китарэ не испытывал с тех пор, как умер отец и он пришел в себя. Все стало правильно. Теперь и сейчас он знал это. Он смотрел в черные глаза Ива, наследника проклятого рода, и не испытывал ни малейшей толики того гнева, что совсем недавно буквально разрывал его на части. Он видел перед собой того, кого так долго искал...

Все закончилось так стремительно, оборвавшись вместе с хриплым, полным надрыва выдохом огненного эвейя. Ив надсадно захрипел, закинул голову назад, его тело била мелкая дрожь, он вдруг начал как-то медленно оседать. Толком не осознавая, что происходит и что он делает, Китарэ бросился к нему, в последний миг подхватил у самого пола, не дав разбить голову о каменный пол. Связь разорвалась, и тут же вернулись пустота, одиночество, боль и вечный гнев, что не отступал ни на минуту. Он все еще ненавидел эвейя, что сейчас лежал у него на руках, но теперь знал самое главное, с чем ему придется смириться... Тот, один вид которого распаляет в нем настоящий пожар ненависти и презрения, кто будит в нем все, с чем он борется всю свою сознательную жизнь, теперь часть его будущего и настоящего.

Китарэ быстро поднялся, продолжая удерживать на руках чересчур легкое тело Ива, и направился к выходу, не дожидаясь ни друзей, ни комментариев Верховного.

– Китарэ... – Дилай дернулся было следом, но был тут же остановлен властным взмахом руки иса Тарона.

– Надо бы убраться, – бросил мужчина, как всегда с легкой улыбкой глядя на своих воспитанников. – Накровили, натоптали, протереть бы...

– Но Китарэ... – Ари попытался было сорваться с места, но тут же умолк под взглядом Верховного.

Все они были взволнованы тем, что теперь их круг замкнут, но радость сменялась тревогой. Никто не знал, как поведет себя наследник, оставшись наедине с Игнэ.

– Швабры там же. – Нисколько не тревожась, сведя руки за спиной, Верховный эвей медленным шагом направился к выходу из храма. – Долго не возитесь! Утренние молитвы никто не отменял, – бросил он, исчезая во мраке ночи.

– Может, все же догнать их? – встревоженно поинтересовался Норэ.

Никто из молодых эвейев не спешил выполнять поручение Верховного. Их куда больше заботило то, чем может закончиться эта ночь.

– Забыл? Пока не сделаем то, что велел Верховный, храм покинуть не сможем, – пробормотал Рэй-вон, отправляясь в сторону кладовой за шваброй.

– Хороший момент, наконец-то я его увидел по-настоящему, – чуть слышно прошептал Раиль, улыбнувшись уголками губ и задумчиво глядя на выход из храма.

* * *

Я стояла в центре зала, в котором когда-то стоял мой отец. На том же самом месте он стал частью Ожерелья императора, поклялся быть его другом, братом и опорой, а в итоге предал его. Я стояла на том же месте, где сотни эвейев до меня с честью и радостью принимали на себя обязательства перед миром, страной и тем, кто с этих самых пор становился для них намного больше, чем просто правитель. Сегодня здесь была я, Ивлин Игнэ, дочь предателя и братоубийцы, и чувствовала себя полной дурой, которая осмелилась осквернить своим присутствием это место. Необходимо было это просто пережить. Больше ничего.

Я чувствовала вибрации силы, исходившие от Верховного эвейя. Всем своим телом ощущала его зов и то, как из самых глубин моей души поднимает голову давно забытая сила. Я никогда не разговаривала с ней, не зывала к ней. Я поклялась похоронить ее, не дав и малейшего шанса на приход в этот мир. Должно быть, мое отражение за Полотном ненавидело меня так же сильно, как и я презирала себя за слабость и малодушие. Я смотрела прямо перед собой и далеко не сразу осознала, что все это время смотрю в глаза будущему императору. Слова, что произносил настоятель, пробуждали внутри меня пламя, заставляя ощущать его сперва как крошечный огненный пульсирующий шар где-то в самом центре грудной клетки. Но я продолжала смотреть в глаза Китарэ, и мне казалось, что его хрустальные голубые глаза точно остужают пламя внутри меня. Я боюсь не жара огня. Я боюсь самого пламени и ощущений, что исходят от него. Огонь для меня – это страдание, и, когда я чувствую его, ко мне приходят боль и мучительный страх, что мое тело горит заживо и совсем скоро от него не останется ничего, кроме горстки пепла. Но сейчас, несмотря на то что ощущение пробуждения огненной стихии захватывало клеточку за клеточкой моего тела, я видела перед собой глаза, которые забирали мою боль. Мне кажется, я видела их в своих снах. Что за наваждение?

Тончайшая нить силы, подвластная воле Верховного эвейя, потянулась в сторону Китарэ, и словно часть моей души последовала за ней, стремясь обрести столь желанное избавление. Стоило моей силе коснуться его, как страх отступил. Все будто бы встало на свои места. Ожила моя мечта, где я тот самый эвей, который не боится самого себя, а любовно лелеет пламя внутри, понимая и принимая его. Но я даже толком не успела вздохнуть, как наследник на миг отвел взгляд, и я тут же начала стремительно проваливаться в бездну, в ловушку, сотканную из разбуженного в моей крови огня. Как если бы кто-то ловкий просто взял мое сознание и с силой бросил куда-то глубоко, где не было ничего, кроме стены пламени, боли и невыносимого жара огня.

Я падала и падала, наблюдая, как плавится и сползает вниз ярко-алый камень стен восточной башни. А может быть, я уже упала и просто лежу на земле? Почему я вижу это? Почему молча смотрю, как языки пламени пожирают мой дом? Мне кажется, от меня уже ничего не осталось. Мои глаза видят все, но я отказываюсь это понимать. Мое тело... я не чувствую его. Я не слышу... Кажется, кто-то зовет меня совсем рядом. Кричит громко, но я не могу повернуться к нему. Его голос нравится мне. Он держит меня, позволяя чувствовать себя живой. Кто-то поднимает меня на руки, и моя голова невольно поворачивается так, что я уже не вижу исчезающей в огне башни, лишь оранжевые всполохи, пронзающие ночное небо.

– Ив, не умирай, Ив! – Этот голос принадлежит ребенку.

Я узнаю его. Ребенок плачет, а мне кажется это неправильным. Он не может плакать. Он мой герой. Правда, он такой глупый, ничего не понимает в простых вещах. Зато он знает много того, о чем я никогда даже не слышала. Он обещал, что однажды покажет мне дворец... Я могла бы увидеть дворец.

На моих губах расцветает улыбка. Я не очень представляю, что такое дворец, но если он так нравится ему, то и мне он обязательно понравится. Он бежит со мной на руках так быстро и в то же самое время слишком медленно. Все, что я вижу, – это звездное небо в зареве пожара и кусочек его плеча. Вскоре появятся ветви деревьев над моей головой. Он что-то говорит мне, но я совсем не слышу его. Не могу понять. Единственное слово, что цепляется за мой слух, – это «озеро», и я понимаю, куда мы идем. Со всей пугающей ясностью я понимаю, зачем он несет меня туда. Все, что я могу прошептать, – это короткое, но такое всеобъемлющее «нельзя». Ему нельзя туда. Нам обоим было нельзя, но мне так хотелось удивить его. Так хотелось подарить ему звезду, несмотря на запреты отца. Несмотря на то, что маленьким эвейям ни в коем случае нельзя ходить к зеркалу Полотна. Там можно обрести силу, когда ты готов. Там можно многое потерять, когда ты мал или слаб.

– Потерпи, – шепчет он в ответ, а я цепляюсь обгоревшими пальцами за его куртку в надежде, что он поймет, что нам нельзя туда идти.

Кажется, время останавливается до того самого момента, как я слышу всплеск воды под его ногами. Мы практически падаем в воду, и я стремительно ухожу на самое дно. Я больше не чувствую его рук, и, кажется, это страшнее всего: остаться одной в темной глубине. Я захлебываюсь, но вместе с первыми глотками ледяной воды мое тело словно оживает. Оно горит в агонии. Я больше не понимаю, кто я, и где, и что происходит. Эта дикая жгущая боль, я чувствую ее всем телом, каждым кусочком обожженной плоти. Чьи-то крепкие руки вдруг с силой вытаскивают меня из воды, но я никак не могу начать дышать. Я задыхаюсь, и мне начинает казаться, что еще немного, и весь мир окончательно погрузится во тьму. Неровные, рваные толчки моего сердца – предвестники того, что осталось совсем немного.

– Дыши, Ив, ты только дыши. – Его хриплый голос – это все, что я слышу.

Я вновь теряюсь во тьме. Мне кажется, что меня утягивает водоворот. Мое крошечное растерзанное тело точно кидает из стороны в сторону, пока все вокруг не растворяется в белоснежном сиянии. Мне больно смотреть на этот свет, но я щурюсь, пытаюсь открыть глаза, а когда открываю, то окончательно понимаю, что меня больше нет. Ведь разве возможно то, что происходит: меня сжимает огромной когтистой лапой дракон, словно сотканный из серебряного света луны. Его чешуя сияет всеми оттенками серебра, а огромная морда склонилась надо мной. Он смотрит на меня своими хрустальными голубыми глазами с продольными ниточками зрачков так долго, пристально, точно ищет ответ на мучающий его вопрос, а потом с силой выдыхает мне в лицо, возвращая туда, где я и была, – на поверхность лесного озера. Я все еще вижу его глаза перед собой. Он просит не забывать, но я уже не помню... Я уже забыла его.

Глава 6

Пришла в себя я, как ни странно, от собственного стога. Резко распахнув глаза, тут же зажмурилась. Из широкого окна прямо напротив лился яркий солнечный свет. Щурясь, я все же разлепила отекавшие веки, кое-как собралась и села. Голова была тяжелой, тело не спешило включаться в работу, а еще... перед глазами, точно наяву, стоял этот странный сон. Такой реальный, живой и настоящий, что мое сердце до сих пор ныло в груди, то ли из-за сопереживания тому странному мальчику, что спас меня, то ли потому, что я сама испытывала в том сне. Я не могла понять, почему очередной кошмар так сильно всколыхнул мои эмоции, словно невероятных размеров волна прошлась по глади души, перевернув все вверх дном. Я была в растерянности. Могло ли это быть реальным воспоминанием? Или мои страхи и переживания наложились на те ощущения, что я испытала в зале Двенадцати, и мне пригрезился дракон?

– Кошмар какой-то, – растерянно пробормотала я, проводя рукой по лицу и прогоняя остатки сна.

– Это уж точно, по-другому и не скажешь, – раздалось ворчливое замечание откуда-то со стороны.

И, только услышав этот уже знакомый мне голос, я наконец поняла, что не так с этим утром! В моей комнатке не было большого окна, и по утрам солнце не проникало внутрь из-за густой зелени дерева, растущего прямо напротив. Обернувшись, я увидела всю картину целиком. И это была катастрофа!

Я сидела на огромной постели. Нет, не так, я разворошила эту огромную постель, превратив ее в странное подобие гнезда, перевернув и сбив все, до чего смогла дотянуться. Но даже это еще ничего по сравнению с взъерошенным наследником, который сиротливо ютился на крошечной кушетке в углу комнаты. Китарэ выглядел так, словно не спал несколько дней. Под глазами у него залегли темные круги. Да и сам он, как сказал бы Рэби, был не первой свежести. Лохматый, в мятном кимоно, босой, он полулежал на этом маленьком диванчике, поджав ноги и подперев голову рукой.

– Ты в курсе ведь, что вряд ли когда-нибудь женишься? – буркнул он. – Ни одна женщина не выдержит тебя в постели. – Он устало закатил глаза и широко зевнул.

– Я в этом даже не сомневаюсь, – согласилась я, нервно сглотнув.

– Хорошо, иллюзии ни к чему хоро-о-о... – вновь зевнул он, поднимаясь с кушетки, и потянулся. – Демоны, это было лихо. – Он покачал головой, направляясь куда-то в противоположный угол комнаты и скрываясь за дверью. – Жди здесь, я не для того так мучился, чтобы ты по-быстрому убрался с утра, – проворчал он, прежде чем все звуки поглотил шум воды.

Я, скажу честно, не ушла бы, даже если бы он попросил. Сидя под одеялом, я тупо сверлила взглядом дверь, за которой исчез наследник, и понятия не имела, что мне делать в этой ситуации. А еще мне было интересно, зачем Китарэ поставил таз с водой рядом с постелью? И почему тут валяются разорванные влажные тряпки? Что вообще происходит?

– Ритуал, – выдохнула я, вспоминая свой позор.

Мое кимоно оказалось влажным в области шеи, и я боялась даже подумать, чем этот эвей занимался всю ночь... Неужели ухаживал за мной? Сама эта мысль была настолько обескураживающей, что я сидела, боясь пошевелиться.

Шум воды резко прекратился, а еще через некоторое время из ванной вышел наследник в простых широких штанах, небрежно накинутом на обнаженное тело халате, с распущенными влажными волосами, которые он продолжал вытирать полотенцем. Я вовсе не была благородной девицей, которая не знала, как выглядят мужчины. Все тот же Рэби не стеснялся скинуть при мне рубашку и окатить себя из бочки ледяной водой. Но то был Рэби, а это... было другое. Чувство неловкости и стыда затопило меня с головой. Я не могла стыдливо прикрыть глаза руками или показать свое смущение, но и просто сделать вид, что все нормально, было сложнее, чем я могла себе представить. Я даже себе боялась признаться в том, что этот мужчина приковывает мой взгляд, потому что он...

– Значит, так, – вывел меня из состояния, близкого к шоку, его высокомерный, холодный голос, – мои самые худшие опасения оправдались. Ты и сам это понимаешь, я надеюсь?

Я не понимала сейчас ровным счетом ничего, но согласно кивнула.

– Я надеялся, что мы сможем поговорить, как только ты придешь в себя, но ты не приходил всю ночь и первую половину дня... Я не знал, где ты живешь, поэтому ты здесь сейчас.

Он бросил мимолетный взгляд туда, где стоял таз с водой, и тут же посмотрел на меня, но, к счастью, я вовремя отвела взгляд. Потому он, сделав вид, что закончил с волосами, швырнул свое полотенце на этот несчастный таз, чтобы я не успела его разглядеть и заподозрить наследника в том, что он ухаживал за мной. Молодец, избавил нас обоих от неловкой благодарности.

– Так или иначе ты войдешь в мою Нить, – сказал он, а я заметила, с какой силой он сжал челюсть, прежде чем продолжить, – поэтому нам стоит...

– Для тебя это сложно, – констатировала я очевидное, – я понимаю.

– Я не нуждаюсь в твоем понимании, – резче, чем, должно быть, хотел, ответил он.

Я не злилась на него в этот момент. Я действительно понимала. И будь я на его месте, то не уверена, что даже возможная целостность Нити остановила бы меня прежде, чем его кровь на моих руках позволила бы мне отпустить гнев. Но так или иначе я знала и еще кое-что: я просто тот, кто ему нужен. В конечном итоге все может только ухудшиться.

– Есть несколько вещей, которые я хотел бы обсудить с тобой. И еще у меня есть множество вопросов, ответы на которые я хотел бы получить. Ты подходишь мне. Я не могу не признавать очевидного, как не могу и не имею права противиться этому. – В каждом его слове чувствовалось сожаление и нескрываемая досада. – Но прежде чем нам... – Он сделал глубокий вдох, будто пытался заставить себя говорить. – Двигаться дальше, я хочу знать, что с тобой произошло в храме?

Я могла ответить на любой вопрос, даже самый интимный и нелепый, но не желала обсуждать с ним свои страхи и проблемы. Он был совершенно посторонним для меня. Единственным, кто знал и мог говорить со мной об этом, был Рэби. Всякий раз, когда о моих слабостях пытался говорить кто-то посторонний, я внутренне ошетикивалась. Это была болезненная тема. Точно так же, как я не выносила собственного отражения в зеркале, я не выносила, когда кто-то чужой переступал те самые границы, которые даже для меня были под запретом.

– Есть ли шанс, что тебе может подойти кто-то другой? – вместо ответа спросила я.

– Я задал вопрос, – точно так же проигнорировал он меня, делая шаг вперед и почти нависая надо мной.

– Как и я, – вспыхнула я, решительно поднимаясь с постели.

Сейчас мы смотрели друг другу в глаза, находясь так близко, что я чувствовала его обжигающее дыхание на своих губах. Он был выше меня, потому мне ничего не оставалось, кроме как задрать голову вверх и с такой невыгодной позиции пытаться выглядеть внушительно. И вновь, стоило нашим взглядам пересечься, картинки недавно пережитого сна вспыхнули у

меня перед глазами. *«Не забывай, Не!»* — слова, сказанные во сне неизвестным мальчиком или драконом, звучали так ярко, что у меня невольно подкосились ноги. Я бы упала, если бы в ту же секунду меня уверенно не подхватил за предплечья наследник, удерживая на ногах.

— Я хочу знать, что с тобой не так, — почти шепотом спросил он.

Казалось бы, что такого, чтобы прямо ответить на вопрос?

«Я калека, Китарэ. Я боюсь огня, и мне кажется, что, стоит мне слиться с собственной стихией, я умру, а твоя Нить так и не станет полной. Я стану вторым эвейем, который поставит под угрозу разрушения наш мир».

Простые и честные слова, которые никак не желали вырываться из моего рта. Я так презирала себя в этот момент за собственное малодушие, что готова была провалиться сквозь землю. Но я должна была это сделать.

— Я не могу взаимодействовать с огнем, — желая сдохнуть на этом самом месте, сказала я.

— Что? — Он нахмурился, а его хватка в тот же миг ослабла. И только в этот момент я почувствовала, с какой силой он все это время сжимал мои предплечья.

— Я не могу взаимодействовать с огнем. — Цедя каждое слово сквозь зубы, я чувствовала, как во мне просыпается злость. Я не просила и не желала такой судьбы, так почему же я должна быть виновата?

— Я не глухой. Я хочу знать, что это значит? Любой эвей с рождения чувствует течение родной стихии, она как колыбель для каждого из нас. И если вчера твоя кровь откликнулась, то, значит, и ты чувствуешь огонь в этом мире, по-другому не бывает...

— Я...

Я отчаянно пыталась собраться с мыслями и прикидывала, как ответить на его вопрос, объясняя такие личные моменты постороннему эвейю. Китарэ уже ненавидит меня, а после услышанного возненавидит с новой силой, если такое вообще возможно. Сжав кулаки, я набрала в грудь побольше воздуха и уже приготовилась ответить так, как следовало, когда в дверь кто-то забарабанил с такой силой, что я невольно дернулась, рухнув на постель.

Китарэ проводил мое падение суровым взглядом, покачал головой и, буркнув что-то типа «ненормальный», отправился открывать дверь.

Моим спасителем оказался взлохмаченный и запыхавшийся Дилай. Тот самый эвей, с которым я познакомилась на первой молитве в храме и который показался мне тогда подозрительно дружелюбным. Ну что я говорю, он сразу понравился мне. Возможно, действительно и впрямь был прав, говоря, что мы чем-то похожи на свои стихии. Может быть, и огонь во мне инстинктивно ждал поддержки от воздуха?

— Китарэ! — заголосил он с порога, потом увидел меня, поднимающуюся с развороченной постели, нахмурился, тут же что-то решил и широко улыбнулся, помахав мне рукой. — О, привет! — Сказано это было так, словно мы и впрямь были приятелями. — Хорошо, что и ты здесь! Вы не появились на молитве, следом не явились на завтрак, но пропускать тренировки нельзя, потому я пришел. Почему ты в таком виде? — обратился он к Китарэ. — Посмотри на Ив, он уже собрался...

— Он и не разбирался, — буркнул Китарэ, пропуская друга внутрь. — Дай мне десять минут. — Он хмуро глянул на меня и добавил: — Причесался бы тоже, на дикобраза похож. — Покачал головой и отправился к высокому деревянному шкафу.

Мы шли по улицам храмового комплекса, а я ловила на себе любопытные взгляды. Не надо иметь особую интуицию, чтобы понять, кто был предметом их заинтересованности. То тут, то там я слышала свое имя и понимала, что, скорее всего, уже всем известно, чем закончилась этой ночью церемония. Китарэ и Дилай всю дорогу обсуждали что-то, и даже под страхом смерти я не взялась бы повторить темы их разговоров. Мне было достаточно собственных мыслей. И сколько бы я ни думала, но приходила к тому, что нам действительно необходимо серьезно поговорить. Я должна собраться, задвинуть свою гордость подальше, как и все непод-

ходящие моему положению эмоции и чувства, и просто сказать, почему именно ему не стоит прекращать свои поиски последней жемчужины. Ложь тяготила меня. А тот панцирь из обмана и недоговорок, которым я обросла за последние несколько дней, уже казался неподъемным.

Я все еще плохо ориентировалась внутри комплекса, потому понять, как мы оказались на огромной песчаной площадке, огороженной по периметру высоким забором, мне было сложно. Но место напоминало тренировочную зону, и тому подтверждением было то, что одиннадцать эвейев, включая наставника, были облачены в форму для тренировок. Разумеется, то, что Дилай и Китарэ облачились в кимоно для тренировок под своими темно-коричневыми халатами, я смогла заметить только сейчас.

– Неужели решили почтить нас своим присутствием? – изогнув бровь, поинтересовался невысокого роста эвей, который, судя по всему, был нашим наставником. – О, замкнул свою Нить? – Мужчина прищурился, разглядывая меня.

Китарэ и Дилай замерли в нескольких шагах от учителя и поклонились, ожидая дозволения встать в строй. Их примеру, пусть и с опозданием, последовала и я.

– Игнэ? – поинтересовался мужчина, словно речь шла о сорте сливы для его пирога. Ни пренебрежения, ни агрессии я не почувствовала.

– Да, – отозвалась я.

– Ниром был выше, – констатировал он. – Чего скривился? – точно так же, без какого-либо пиетета, поинтересовался он у Китарэ. – Бесит тебя? – кивнув в мою сторону, спросил он. – Так не сдерживайся. – Мужчина всего лишь провел стопой по одному из шестов, что лежали у его ног, палка послушно перекатилась, подпрыгнула, оказалась на носке его ноги, а всего через долю секунды – у него в руках. – Набей ему рожу, – немного кровожадно предложил этот, с позволения сказать, наставник, который больше всего напоминал мне маленькую коротконогую хрюшку.

Мужчина ловко подкинул шест в сторону Китарэ, а наследник в свою очередь сноровисто поймал предложенное оружие. Китарэ криво усмехнулся, снимая свой коричневый халат и откладывая его на одну из скамеек у самого забора. Я решила, что не стоит испытывать судьбу, и последовала его примеру.

– Будешь работать с ним, – тем временем обратился ко мне наставник по тэй-до. – В нашем искусстве нет места дешевым эмоциям. Когда найдете цену чувствам, поговорим.

На самом деле мне было все равно, с кем я буду практиковаться. У меня не было проблем с эмоциями. И даже на тренировках с Рэби и личными гвардейцами Дорэй единственным, кто ко мне относился с долей симпатии, был именно он. Так что мне было не впервой тренироваться с тем, кто меня терпеть не может. В этом не было ничего страшного или нового. Разве что моими напарниками прежде были обычные солдаты гарнизона – и уж никак не будущие правители. Ну и это было не страшно, боль я переносила хорошо. Не думаю, что тут допускается избивать учеников до смерти. И лучше уж походить с разбитым носом, чем ненароком расквасить его наследнику.

– Мне без разницы, – обозначила я свое отношение к происходящему, самостоятельно поднимая шест.

– Смотри, Китарэ, похоже, ты в одиночестве со своей ненавистью, – засмеялся этот странный тип. – Игнэ на тебя наср...

Говоря откровенно, мне показалось, что я ослышалась. В голове не укладывалось то, что сказал этот эвей.

– Не переворачивайте мои слова. – Я сама не ожидала, что меня так заденет то, как он использовал сказанное мною. Но мне уже порядком надоело разгребать те кучи вранья, которыми меня обложили.

Я прямо смотрела в глаза этому смуглому коротконогую эвейю. Теперь он напоминал мне пельмень, который я с удовольствием скормила бы кому-нибудь.

– А парень-то с огоньком! – Очередной противный смешок, и точно яд разлился по моим венам.

Рэби рассказывал мне, что бывают разные техники формирования учеников при занятиях тэй-до. Но даже он, человек, считал самым дешевым из приемов тот, который сводился к «провокации».

«Мы могли бы справиться с твоим страхом, если бы были окружены открытым пламенем. Пускай не за раз, но на тысячу первый раз ты бы привыкла. Однако чего бы стоила нам такая победа? И что бы осталось от тебя в конечном итоге? Да и грош мне цена как учителю, если я смогу достичь цели, лишь причиняя боль своим ученикам». Это были слова человека, который смыслил в боевых искусствах гораздо больше, чем этот эвей.

В мире эвейев считается, что энергия этого мира и энергия Полотна взаимосвязаны. Они сообщаются между собой, соединяясь в каждом из нас, проходя сквозь наши тела. Когда тело должно будет принять полноценный энергетический поток, что навеки свяжет обе наши сущности, то именно от физической подготовки и того, как мы умеем управлять своим телом, будет зависеть, подчиним ли обретенную силу и могущество, насколько сможем контролировать свою вторую сущность и насколько едиными с ней станем.

Подбросив шест в руке, для себя я подметила, что он немного толстоват для моих пальцев. Но дерево мне понравилось. Совсем не похоже на то, что мы использовали для тренировок дома.

– Что ж, – так и не дождавшись от меня реакции на свою глупую подначку, заговорил «наставник», – разбились на пары. Дилай, ты сегодня работаешь со мной. – Гадко улыбнувшись, он посмотрел сперва на меня, а затем на Китарэ.

Пожалуй, впервые мы с наследником были солидарны, полностью игнорируя его.

– Ну, новенький, покажи, что тебе досталось от отца.

Думаю, это прозвучало двусмысленно, чтобы в очередной раз постараться задеть меня. Но, к величайшему сожалению этого мужчины, я не помнила своего отца и ни одно упоминание о нем не вызывало во мне отклика. Я знала, что он сделал. И давно приняла это. На этом все.

Все ученики заняли позиции в безопасном удалении друг от друга, чтобы тренировка не переросла в банальную потасовку. Китарэ встал напротив меня. Он был выше. То, как он держал шест в руках, его осанка, движения говорили многое для меня о нем как о воине. Он умел управлять собственным телом. Оно было послушно ему, точно годами настраиваемый инструмент в руках мастера. Взгляд его прозрачно-голубых глаз казался невозмутимым и бесстрастным, словно сейчас его разум был где-то далеко отсюда. Я не могла понять его намерений по эмоциям, что отражались на лице. Все, что мне оставалось, – это слушать его тело, наблюдать за малейшими изменениями в его дыхании и следовать за ним. Да, нам говорили, что все ученики в стенах храма равны, но мне не десять лет, чтобы я и впрямь поверила в подобное. Не думаю, что наследник не догадается, если я буду намеренно уступать ему.

Бой начался стремительно. Дерево ударило о дерево, и вокруг поднялся оглушающий звон. С самого детства я ощущала, как внутри меня рождается волшебство, стоило начаться схватке. В такие моменты моя кровь в венах оживала. Она становилась такой горячей, настоящей. Разум прояснялся, а все в душе затопливалась радость. Я словно появлялась на свет из убогой серости собственной жизни в этом лязге метала, ярости и боли. Именно поэтому я мечтала покинуть собственное родовое гнездо и отправиться к границам северных земель. Если есть азарт и гнев, то появляется и безумная красота моего существования.

К моему удивлению, Китарэ действовал осторожно, словно побаивался ударить меня во всю силу. Его движения были быстрыми, точными, но в то же время такими, будто он выполнял давно заученную связку, стараясь контролировать каждый свой удар и выпад. Я позволила ему наступать, желая посмотреть на него, почувствовать его как противника. Но уже спустя несколько минут поняла, что это совсем не похоже на то, к чему я привыкла с Рэби. Быстро,

ловко, красиво, но совершенно не по-настоящему. Мне становилось скучно. Мир, который не успел преобразиться, вновь сжимался до серой обыденности. В этом поединке не было, не было... «Огня?» – подумала я и смутилась от собственной мысли.

– Ты думаешь, огонь – это только то, что тлеет в камине твоей тетки? – усмехнулся Рэби, утирая снегом перепачканное в крови лицо. – У огня есть душа. – Он улыбнулся, точно вспоминая что-то родное и близкое ему. – Когда почувствуешь ее, тогда он станет понятным тебе. Не раньше.

Я никогда не понимала, что именно имеет он в виду. Но, мне кажется, именно сегодня я впервые всерьез задумалась о его словах.

Китарэ нанес очередной удар шестом, который я смогла отразить, но, вместо того чтобы отпрянуть, приблизилась и посмотрела прямо в глаза.

– Это скучно, – прошептала я так, чтобы услышать мог только он. – Тебе правда нравится так жить?

Он не стал отступать, а лишь изогнул бровь, явно не понимая, что я имею в виду.

– Перестань сдерживаться! Есть вещи, которые не нуждаются в контроле. – Я с силой оттолкнула его, позволяя своей ярости ожить, а вместе с тем возвращая себе то, без чего не видела смысла в этих тренировках.

Теперь уже атаковала я. Быстро и яростно, нанося удар за ударом, я позволяла себе чувствовать ту самую «душу огня», о которой говорил Рэби. Да, моя стихия внушала мне непреодолимый страх. Но в такие моменты, как сейчас, я хотя бы могла почувствовать ее рядом. Свою колыбель. Место моей силы всегда было так близко. Знал ли об этом Рэби, увлекая меня ежедневными сражениями? Я хотела спросить его об этом. Ведь именно это спасало меня все эти годы. Удар, еще удар, уклониться, подпрыгнуть так высоко, словно у меня есть настоящие крылья, и ударить со всей возможной силой. Китарэ ни разу не пропустил удара. Он ускорялся вместе со мной. Дерево в наших руках трещало от той силы, с которой мы наносили удары друг другу. Пальцы онемели, но это такая мелочь по сравнению с осознанием, что, пусть и на краткий миг схватки, я чувствую дух собственной стихии как часть себя.

Что-то изменилось в нашем сражении. Так, будто все вдруг стало настоящим. Даже эмоции, которые то и дело мелькали в глазах Китарэ. Он и правда ненавидел меня. И своей ненавистью он питал мой огонь, делая его еще сильнее и яростнее. Невозможно укротить пламя, подбрасывая в него пищу. Оно станет лишь более жадным и сильным. Меня всегда угнетало безразличие, но никогда не делала беспомощной ненависть. Впервые мне показалось, что с ним я могу сражаться бесконечно. Ощущение силы его ненависти отражалось во мне, делая меня бесстрашной. Оно раззадоривало и пробуждало скрытую годами сущность. «Да, ненавидь меня, ненавидь, как никого в этом мире, и я с радостью поглощу твою ненависть», – не моя мысль, а точно отражение кого-то древнего и мудрого нашло отклик в сердце откуда-то изда-лека, наполняя каждую клеточку силой и радостью.

Это был танец, полный ярости, ненависти, злости и гнева. Столько было этих разных и таких сильных эмоций, что в какой-то момент они все слились воедино, превратившись лишь в яркий поток энергии и силы. У силы нет цвета. Она ни черная, ни белая, ни плохая, ни хорошая – все краски придает ей жизнь. Энергия – это поток, который ждет, когда его направят. И сейчас мы давали шанс нашему гневу на очищение и перевоплощение в этой схватке. Мое сердце радостно стучало в груди, позволяя чувствовать себя кем-то совершенно новым.

Все закончилось резко и неожиданно просто потому, что Китарэ сломал свой шест, выбив из него целый сноп щепы, обрушившийся на мой. Мы смотрели друг другу в глаза, а наше частое дыхание казалось обжигающе горячим. Я не слышала ни звука и далеко не сразу смогла осознать почему. Оказалось, наш поединок привлек слишком много зрителей, которые, вместо того чтобы заниматься, сейчас молча наблюдали за нами.

– Да, чувствуется огонек, – проглотив смешок, как-то растерянно пробормотал новый наставник, разбивая повисшую тишину.

Я пропустила его реплику мимо ушей, продолжая поддерживать зрительный контакт с Китарэ. Его голубые глаза, казалось, изменили оттенок на более темный. По лицу невозможно было понять, о чем он сейчас думает. Да мне и не хотелось особенно в этом разбираться. Наша схватка подошла к концу, и сейчас начиналась самая неприятная часть преобразования. Мой мир вновь возвращался, смыкая свои серые безликие оковы. Впервые за многие-многие годы я осознала, что для меня значат эти тренировки. И впервые мне хотелось плакать, потому что все закончилось...

Не говоря ни слова, он отстранился от меня, а я поймала себя на мысли, что хотела бы ухватиться за рукав его кимоно, чтобы удержать его рядом, хотя бы на долю секунды. Но, конечно же, не сделала этого. Просто смотрела, как он уходит. Пожалуй, следовало последовать его примеру. Потому я просто повернулась, молча прошла мимо так называемого наставника, подхватила свой халат и отправилась прочь. На этот раз язвительной реплики у него почему-то не нашлось, хотя и ненадолго. Вслед мне летело что-то вроде: «Эй, обнаглели! Не оставлю!..»

– Плевать, – буркнула я себе под нос, понимая, что есть только один человек в этом городе, которого я обязана сегодня увидеть.

* * *

Оказалось, покинуть стены храма проще, чем проникнуть внутрь. Я уже накидала примерный план побега, в случае если меня откажут выпустить через главные ворота. Даже дерево присмотрела с достаточно толстыми ветвями, по которым я смогла бы добраться до забора. Но все же решила сперва узнать, возможно ли покинуть храм официально.

Не тратя время на переодевание и прочее, я напрямик направилась к главным воротам. Ночью во время дождя мне не удалось хорошо разглядеть, есть ли здесь охрана. Но почему-то была уверена, что она должна быть. И не ошиблась, когда рядом с внушительными воротами обнаружилось несколько эвейев, облаченных в легкий доспех, которые явно скучали на своем посту.

– Простите. – Я постаралась привлечь внимание одного из них.

Высокий худощавый мужчина в шлеме явно изнывал от жары, но стоило мне приблизиться к нему, как я уловила едва ощутимый прохладный ветерок, который его окружал. Судя по всему, его стихией был воздух, и он умело ею пользовался.

– Как я могу ненадолго покинуть территорию? – поинтересовалась я.

На мой безобидный вопрос он сначала непонимающе уставился на меня, а потом просто указал в сторону ворот.

– Через ворота, – произнес он и без того очевидные вещи.

– А пропуск или дозволение нужно?

– Это не тюрьма, – усмехнулся он, – все послушники могут уходить и возвращаться в течение дня, когда им это нужно.

– Спасибо, – промямлила я, ощущая себя в который раз за день как-то по-дурацки.

Найти постоялый двор, где обещал остановиться Рэби, оказалось несложно. Хотя пришлось это делать под любопытными взглядами прохожих. Все же стоило привести себя в порядок, прежде чем выходить. Это в Турийских лесах эвейя днем с огнем не сыщешь. Но сейчас, в столице, было довольно опрометчиво выходить на улицу сразу после тренировки в изрядно помятом кимоно.

– «У порога Парящих», – прочитала я название постоялого двора. – Довольно поэтично. – Я пожала плечами, решительно входя внутрь.

Как и везде в империи, вход был значительно ниже, чем рост среднего человека, потому каждый вошедшей волей-неволей отдавал дань уважения хозяевам и месту поклоном. Стоило переступить порог, и я оказалась в обеденном зале. Здесь пахло дешевым рисовым вином, уксусом и пряностями, за низкими столиками прямо на полу сидели люди, которые, судя по запахам, совмещали приятное с полезным, ни на что особенно не отвлекаясь. На севере не было традиции сидеть на полу за обедом. Не тот климат.

Пока я бестолково обводила комнату взглядом в поисках конкретного лысого черепа, ко мне подбежала молоденькая девушка в темно-коричневом кимоно и глубоко поклонилась.

– Позвольте предложить вам...

– Не надо, – поспешно отказалась я. – Несколько дней назад у вас остановился лысый пожилой мужчина на голову выше меня. Как я могу его увидеть?

Девушке потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, о ком я.

– Да, он взял комнату на третьем этаже с восточной стороны, вот только...

– Что только? – насторожилась я, заметив, как девушка поджала губы, точно соображая, стоит ли говорить дальше.

– Он не покидал своей комнаты уже два дня, – промямлила она.

От ее слов на душе стало тревожно. Рэби был человеком. Его здоровье и выносливость имели свои пределы, учитывая возраст. Вдруг наше путешествие оказалось слишком сложным для пожилого мужчины? Тысячи мыслей, одна ужаснее другой, роились у меня в сознании, пока я, не замечая никого и ничего, неслась по направлению к лестнице, чтобы оказаться на том самом этаже. Я проклинала себя за беспечность! За то, что забыла, насколько люди хрупкие! За то, что полагала, что мой Рэби – самый сильный мужчина из всех, кого я знаю! Что позабыла, насколько он на самом деле стар!

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! – Кого и о чем просила, я не имела ни малейшего понятия. Но одно я знала совершенно точно: Рэби не из тех, кто в здравом уме откажется от положенного обеда. И уж тем более его не запереть в комнате на несколько дней!

Я бежала как сумасшедшая, а мне казалось, что я непозволительно медлительна. Однако у нужной двери я застыла в нерешительности. На миг мне стало страшно, что произошло нечто непоправимое, и я боялась сделать этот последний, столь необходимый шаг. Глубоко вздохнув, я все же достала из кармана кимоно запасной ключ и, вставив его, повернула. Рэби предупредил, что его может искать Ивлин Игнэ и, если он будет отсутствовать, мне можно войти в его комнату. Даже тут обо всем позаботился...

Стоило двери приоткрыться, как мое лицо обдало жаром. На улице стояла жара, но в комнате Рэби было настоящее пекло. Оказывается, старик развел огонь в небольшом камине, передвинул свою постель поближе, и сейчас только его тело заслоняло от меня огонь. Но я чувствовала его. Мои ноги словно приклеились к полу. Внутри все кричало о том, что я должна бежать к нему, что с Рэби что-то не так! Но я стояла, как бесполезная дура, и из-за своих глупых страхов не могла сделать ни шагу.

С силой сжав кулаки, я закрыла глаза и постаралась успокоиться. Да, я чувствовала огонь, но, так или иначе, я его не видела, а значит, могла представить, что его тут нет. Есть только Рэби, и ему нужна моя помощь! С моим другом случилась беда, и я не имею права на малодушие. Я встала на четвереньки и поползла к нему со скоростью черепахи, не будучи в силах даже произнести его имя.

Рэби лежал на скомканных одеялах с закрытыми глазами, и казалось, он просто спит. Но дыхание было рваным, а лицо таким белым, точно кто-то неосторожно присыпал его мукой. Рэби – загорелый мужчина, бледность ему вообще несвойственна... За эти жалкие два дня он словно постарел на несколько десятков лет. Против воли у меня из глаз потекли слезы. Я видела его состояние, но, вместо того чтобы броситься к нему, молча ползла, не в состоянии даже позвать на помощь! Казалось, этот путь никогда не закончится. Я напоминала себе, что

должна контролировать дыхание, иначе рисковала потерять сознание, так и не дойдя до своего наставника.

Перед глазами уже плясали черные круги, когда я наконец оказалась рядом с постелью Рэби и буквально упала на колени, хватая его за руку! Ладонь была ледяной, но стоило мне прикоснуться к нему, как произошло то, чего я никак не ожидала. Он вцепился в меня с нечеловеческой силой, дернул на себя и подмял чуть ли не всем телом. Жалкие секунды – и я оказалась зажата в его стальных объятиях. Его тело сотрясала дрожь, но он продолжал сжимать меня все сильнее и сильнее, словно пытался согреться, как если бы я была единственным источником тепла в этой натопленной комнате. Должно быть, это было последней каплей для моего сознания, и, в очередной раз попытавшись сделать глубокий вдох и освободиться от оков его рук, я просто потеряла сознание.

Глава 7

В себя я приходила тяжело. На задворках со-знания крутилась мысль о том, что как-то часто я начала отключаться в самый ответственный момент. Во рту пересохло, горло саднило, голова болела; казалось, одно неловкое движение, и она расколется пополам.

Кажется, я невольно застонала, пытаюсь повернуться на другой бок, когда кто-то осторожно приподнял меня, а моих губ коснулся влажный камень. И далеко не сразу я поняла, что мне предлагают попить из глиняной кружки. Не раздумывая с жадностью потянулась за предложенной влагой. Пожалуй, это был самый сладкий глоток воды в моей жизни... И только в этот момент я наконец вспомнила, где я и что, собственно, произошло. Я резко села, отчего содержимое кружки оказалось у меня за шиворотом, но это было совершенно неважно, поскольку у моей постели сидел Рэби – не тот старик, которого я только что пыталась спасти, а Рэби, кого я знала всю жизнь. Да, он все еще выглядел как человек на пороге пятидесяти оборотов или около того, но не как глубокий старец, что недавно лежал почти при смерти!

Я смотрела на него, понимая лишь то, что не понимаю ровным счетом ничего! Рэби точно так же смотрел на меня, продолжая стоять на коленях у изголовья. Его золотисто-карие глаза излучали давно знакомое мне тепло и странную грусть. Он несмело улыбнулся и глубоко вздохнул:

– Прости меня...

– Что?

Сказали мы одновременно, и вновь повисла неловкая пауза. Окно было распахнуто настежь. Камин он, слава Парящим, погасил, и я наконец начинала мыслить более-менее здраво.

– Рэби, сын кузнеца из Пхармы... – строго сказала я, называя его тем самым именем, каким он всегда представлялся. И хотя я хотела потребовать от него объяснений, вместо этого вдруг почувствовала ком в горле и то, как по-детски дрожит моя нижняя губа, а взгляд стремительно теряет фокус из-за влаги, которую я не могу контролировать. Я не помню, когда я так плакала последний раз. Но я точно знаю, когда делала это впервые спустя столько лет, потому что кое-кто очень для меня дорогой был жив.

Все было совсем как в детстве. Есть девушки, которые умеют плакать красиво и достойно. Опытным путем выяснилось, что я не из их числа. У меня текут слезы, я вою и, как оказалось, еще и хрюкаю, а под конец захожусь в икоте. Может быть, если бы Рэби все это время не гладил меня по голове и не приговаривал, какая я у него хорошая и прочие глупости, я успокоилась бы быстрее. Но его слова вгоняли меня в отвратительную пучину жалости к самой себе.

– Т-ты, – икая и в то же самое время пытаюсь сделать глоток воды, заговорила я, – что с т-тобой произошло?

Рэби глубоко вздохнул, вставая передо мной на колени. Так обычно общались слуги со своими хозяевами, но, несмотря на мой так называемый статус, между нами такого никогда не было.

– Прости меня, – вновь заговорил он о прощении, – но я думал, что так будет правильно. Он вновь задумался о чем-то своем, и я, не выдержав, спросила:

– Что, Рэби? Парящих ради, просто Расскажи мне. Что в этом сложного? Ты ведешь себя так, будто мы с тобой чужие!

– Ты знаешь, – начал он, отводя взгляд и вперив его в стену, – что означает «сын кузнеца из Пхармы»?

Вопрос показался мне донельзя глупым и странным.

– Это означает, что твой отец был кузнецом в Пхарме, городе на юге империи.

– Нет, – покачал он головой, – это означает, что именно кузнец из Пхармы высек ту самую искру, что спустя годы стала мной.

– Что? – смысл нашего разговора резко ушел от моего понимания.

– Много-много оборотов тому назад я родился в пламени кузнеца, – улыбнулся он. – Ив, эвейи ищут своего дракона за Полотном, чтобы стать одним целым со своей стихией в этом мире, но иногда крошечные частички энергии, что парит за Полотном, просачиваются в этот мир – это крупницы живой магии, энергии и силы. У них нет разума, нет плоти. В моем случае это была жалкая искра, которая поселилась в неугасаемом пламени кузни на окраине Пхармы. Я нежился на раскаленных углях, лелеемый заботливыми руками своего отца, который не позволял мне угаснуть. В жаре его печи рождалось лучшее оружие империи, потому как и я отвечал ему своей силой взамен за заботу. Я рос и становился сильнее и в один прекрасный момент почувствовал, что моему пламени тесно в этой крошечной кузне. Я мог сжечь свой дом. Не со зла, а потому что у огня нет чувства меры в его жажде и голоде. Тогда у меня не было мыслей, одни только чувства и порывы. Я всего лишь пламя, пришедшее с той стороны Полотна.

– И... что было потом?

– Потом меня услышал твой прадед. Он услышал зов пламени, толком не понимая, кто или что его зовет, но, увидев, решил забрать меня с собой, пока не случилась беда. Я правда мог послужить причиной того, что Пхарма исчезла бы с лица земли, а мой голод так и остался бы неутоленным.

– Но как тогда?.. – Я все еще не могла поверить, но понимала, что Рэби говорит правду и ждет от меня понимания.

– Как он смог совладать со мной? Он же был настоящим эвейем, а сердце огненного дракона... – Он перевел дыхание. – В его огромном сердце нашлось место и для меня. Лишь когда он передал меня твоему деду, я обрел свой первый облик. Помнишь, на всех портретах рядом с ним есть один и тот же рыжий пес?

– Ты был псом? – выпучив глаза, пробормотала я. Не то чтобы мне надо было повторять дважды, но сейчас хотелось повторить, чтобы точно признать этот факт.

– Псом, кошкой, мышью, – засмеялся он, – какая разница? Тогда я мог быть только животным. Человеческий организм и сознание сложнее, до него я дорос только рядом с твоим отцом.

На какое-то время в комнате воцарилось молчание. Я пыталась осознать то, что он сказал. Одна мысль о том, что Рэби не человек, выбивала меня из колеи, превращая реальный мир, в котором я привыкла существовать, в нечто, сотканное из иллюзий и моих собственных заблуждений. Непривычное чувство. В то же самое время я думала о том, как могла быть настолько слепой и не замечать того, что творилось рядом. Но Рэби... Я видела его кровь! Это была кровь человека! Он ел, спал, дышал... Да демоны меня побери, он старел!

– Но как же?.. – снова пробормотала я, проводя рукой по спутанным волосам. – Я не знала! Я ничего не замечала! Столько оборотов... Как же? – Я подняла на него взгляд.

Рэби немного грустно улыбнулся. Я кожей ощущала его сочувствие, но ненавидела, когда на меня так смотрят. Он обманывал меня! Столько оборотов лгал мне! Вопреки всем доводам

разума в глубине моей души поднимали голову вечно голодные гнев и ярость. Они требовали, чтобы я отпустила их. Только так мне будет легче! Только так я смогу вновь мыслить здраво.

В этот самый момент Рэби осторожно взял мою ладонь и положил себе на щеку. Глубоко вздохнул, лицо его вдруг стало таким расслабленным и умиротворенным; когда я попыталась отпрянуть от него, он продолжал удерживать мою руку. Секунда, две – и я с удивлением поняла, что все прошло. Ни гнева, ни ярости, лишь спокойствие и умиротворение.

– Ты питаешься мной, – прошептала я.

Сама мысль была пугающей. Человек, который был мне отцом, братом, другом, ел меня, фигурально выражаясь.

– Хм, – усмехнулся он, – не так часто и много, как хотелось бы. – Он расплылся в счастливой улыбке, от которой у меня мороз пошел по коже. – Знаешь, – сказал он, – сейчас очень важно, чтобы ты правильно поняла, кто я и как именно это случилось. Когда погиб твой отец – а я уверен, что он погиб и все произошло не по его воле, – неожиданно резко сказал он, – и пострадала ты, меня не было рядом. Я уезжал по его поручению, а когда вернулся, то оказалось, что у меня больше нет...

– Хозяина? – предположила я.

– Носителя было бы точнее, – в ответ усмехнулся он. – Ниром не владел мной, скорее я помогал ему, а он мне. Но прежде всего он был мне другом. Именно рядом с ним мое сознание сформировалось, у меня появилась новая форма и я стал более сложным... наверное, так.

Пятнадцать оборотов назад. Турийские леса.

Молодая женищина в изысканном белоснежном кимоно, на котором единственным ярким пятном был алый шелковый пояс, стояла у распахнутого окна. Она жадно вдыхала прохладный воздух, который впитал аромат дождя, прелой листвы и гари. Цвет ее волос в лучах заходящего солнца более всего напоминал теплую карамель. Идеальная бледность кожи, изящные черты лица. В руках она держала белый ирис, то и дело поднося его к лицу и вдыхая аромат. На губах женищины играла нежная улыбка. Казалось, она никак не может решить, чего ей хочется больше: вдыхать аромат траурного цветка или продолжать смотреть на остов обгоревшей восточной башины. За нее решил резкий стук в дверь.

– Кто? – резче, чем следовало, рявкнула она.

Вместо ответа дверь широко распахнулась, а на пороге возник тот, кто теперь принадлежал ей.

– Ты? – изумленно изогнув бровь, сказала она, позволив себе улыбнуться. – Наконец-то.

– Что произошло? – то ли прошептал, то ли просипел молодой загорелый воин, переступая порог.

– Трагедия, – просто ответила Дорэй. – Сейчас работают императорские следователи, но боюсь...

Несмотря на то что Дорэй умело изображала любое нужное ей чувство так, что никто не мог устоять перед ней, ее обаяние огненного эвейя никогда не действовало на мужчину, что стоял напротив. Взгляд Рэби оставался твердым и непреклонным.

– Ты забыла, иса, я вижу истину. Не криви свой рот, я не понимаю смысла, когда слова и гримасы не несут в себе настоящего. Пламя не откликается на пустоту.

– Демоны, – усмехнулась Дорэй, – должна же я тренироваться на ком-то, чтобы изобразить истинную скорбь. – Она фыркнула, небрежно бросая цветок на стол перед собой. – Я понятия не имею, что тут произошло! Все просто сгорело, – тяжело вздохнула она. – Когда я попыталась совладать с пламенем, то ничего не вышло. Это огонь истинного эвейя. Мне он неподвластен. – Она устало опустилась на стул. – Неважно, с последствиями я разберусь. Они не посмеют уничтожить нас. Я не позволю. Если уж на то пошло, пусть забирают его

дочь. Толку от нее все равно ни теперь, ни потом не будет... Что там осталось-то, Парящие, – отмахнулась она. – Ей же лучше, если так. Хоть для рода сможет стать полезной.

– Что с Ив? – напрягся всем телом мужчина.

– Без разницы, – отмахнулась женщина. – Лучше бы подумал, что будет с нами со всеми, в том числе и с тобой, если пострадаю я и мои дети!

Рэби скупо улыбнулся, прямо взглянув женщине в глаза.

– Вы мне без надобности.

– Что? – Она нахмурилась. – Искра не существует отдельно от пламени, забыл?

– Помню, – кивнул он. – Именно поэтому ни ты, ни твои дети мне не нужны. Ты не удержишь север одна, в курсе? Уже совсем скоро от тебя ничего не останется, и так или иначе, но род Игнэ исчезнет. Твои дети... для меня они пустышки. Единственный, кто сможет тебе помочь до совершеннолетия детей, – это я, и ты это знаешь.

– Ты же говоришь все это не просто так? Чего ты хочешь?

– Ив.

* * *

– Люди, эвейи – неважно. Все, кто не обрел своей целостности за Полотном, видят лишь то, что желают. Дорэй не видела смысла в том, почему я пожелал остаться с тобой, растить тебя, защищать, помогать, но она считала, что заключила выгодную сделку. Мое пламя помогало сдерживать холод, а взамен глупый элементаль нянчился с сиротой.

– Зачем же глупый элементаль выбрал для себя такую судьбу? – пытаюсь проглотить тяжелый ком в горле, поинтересовалась я.

Вопреки всей своей холодности, выдержке, принятию собственной участи, я оказалась не готова к тому, что единственный человек в этом отвратительном мире, которого я по-настоящему любила, мог использовать меня. Все эти годы я думала, что достаточно хорошо защитила себя и свое сердце от лишних невзгод и разочарований, не позволяя себе и мысли о том, что однажды смогу стать кому-нибудь парой, подняться к вершинам северных гор или почувствовать приятие общества. У меня не было ничего, и я привыкла. Только я и Рэби. Но я оказалась совершенно не готова к тому, что, возможно, не было и его...

– Нет более истинного наследника Игнэ, кроме тебя. Ты пламя, рядом с которым я могу оставаться и продолжать свое существование в этом мире. Не делай этого. – Он с силой сжал мою ладонь. – Не смей отгораживаться от меня. Огонь не может существовать в изоляции. Ты не понимаешь, но я единственный путь, который ты сохранила нетронутым и по которому могла получать те крохи силы, чтобы оставаться в живых. Ты не помнишь, а я никогда не говорил тебе, потому как ты отвергала саму свою суть, но ты не человек, и законы людей не подходят тебе. Эвейю мало просто есть, спать, дышать, он должен постоянно быть в контакте со своей стихией, чувствовать ее и быть рядом. Как я мог сказать тебе, что родился в пламени? Если даже при виде обычной свечи твое сердце переставало биться, а легкие отказывались дышать. Я был для тебя тем, кем должен был быть, глупая ты девчонка! Не смей думать обо мне так, словно я твой враг. Я вижу это в твоих глазах: «Он использовал меня» – вот что ты думаешь. Но ты забыла главный закон, которому я учил тебя: мир – это замкнутый круг, сотканный из сил, которые неустанно взаимодействуют друг с другом. Я не смог бы без тебя, а ты не прожила бы и оборота без меня. Однажды ты просто угасла бы, точно пламя свечи, что просто гаснет без воздуха... Знаешь ли ты, что означает твое имя? – вдруг спросил он. – «Ив» – это «ветвь», а «лин» – «несгибаемый». Это имя придумала твоя мать, и я верю, что это было не просто так.

Он говорил и говорил, а гнев и обида уходили, и на их место пришло осознание его правоты. Его уроки, наши схватки, мой последний бой с Китарэ – именно он открыл мне глаза на то, как взаимодействовать с родной стихией.

– Тебе следовало сказать мне раньше, – все же ответила я. – Ты ведь... сильно истощен, так? Тебе стало лучше лишь потому, что я пришла к тебе сегодня. А что было бы, если бы я не сделала этого еще несколько дней? Что было бы, старый ты пень?! – уже со злостью спросила я, боясь даже представить, что нашла бы его холодный труп или, того хуже, не нашла бы ничего.

– Я не рассчитал, – промямлил он, потупив взгляд. – Даже мысли не было, что начну так быстро угасать без тебя...

– Идиот, – буркнула я, в который раз за сегодня начиная закипать ни с того ни с сего. С моей выдержкой происходило что-то неладное, и не признать это было бы просто глупо.

– Что произошло в храме? – вдруг поинтересовался Рэби. – Ты изменилась... Течение энергии внутри тебя ускорилося...

– Я понятия не имею, что это значит, а случилось то, что теперь можешь звать меня ис и тренировать вежливую форму обращения как к будущему члену Совета Двенадцати, – поджав губы, ядовито отпартовала я. – Хотя, вероятнее всего, разговаривать ты будешь уже с урной, в которую сложишь пепел с моего ритуального костра. – Я тяжело вздохнула.

– Что? – нахмурился он.

– Неважно, по дороге объясню.

– По дороге куда?

– В храм, конечно, – вновь раздраженно ответила я. – Идем. Поздравляю, теперь ты мой личный... не знаю кто, но будешь при мне.

– Но...

– Никаких но, Рэби! Ты говорил, что людям нельзя находиться в храме. Полагаю, это не относится к элементам. А в той ситуации, которую создала Дорэй, одна я просто не справлюсь. Мне нужна твоя помощь! – выпалила я. – Идем, нам надо еще продать лошадей...

На все необходимые сборы у нас ушло еще полдня. Обратном в храм мы возвращались, когда стемнело. За это время я успела рассказать Рэби о событиях последних дней. О том, как познакомилась с наследником, как стала частью его Ожерелья, как превратилась в парня, которого все считают психом и задавакой. Все это время он лишь задавал уточняющие вопросы, но не пытался высказывать своего мнения. А это значило лишь то, что он обдумывает что-то свое и не расскажет об этом, пока мысли его полностью не будут сформулированы. Так или иначе, но впервые за последние дни я испытывала странное умиротворение и спокойствие, потому как он был рядом со мной. Не знаю, была ли тому причиной его близость или то, что он просто впитывал в себя весь исходящий от меня негатив, мне было все равно. Сейчас, рядом с ним, я чувствовала себя уверенно, точно маленький ребенок, который искал поддержку у своего родителя – я находила ее рядом с Рэби.

– Как тебе наследник? – вдруг поинтересовался он, когда до храма оставалось всего несколько кварталов.

– Не знаю, – ответила я. – Он не выглядит плохим, но он ненавидит меня... Думаю, это нормально.

– Маленький су... – прошептал Рэби, а я так толком и не поняла, что он сказал, хотя, судя по интонации, ничего хорошего.

– Я не злюсь на него, и тебе не стоит. – Я покачала головой. – Он будущий император.

Я высказала самый весомый аргумент, почему нам обоим стоит быть терпимее. На самом деле сейчас я чувствовала себя мелкой и ничтожной букашкой, которая замерла в страхе перед несокрушимой мощью движущейся на нее волны. Еще немного, и меня раздавит, я просто исчезну так, словно меня никогда и не было. Ложь Дорэй, моя нерешительность, травма, с которой я не могу справиться, – все это подводило меня к черте, которую совсем скоро я

буду вынуждена переступить. Если раньше побег казался эфемерной возможностью избежать момента, когда мне придется ступить за Полотно, то теперь я отчетливо понимала: никто не позволит исчезнуть недостающей жемчужине императора. От одной мысли о том, что все, что мне остается, – это преодолеть страх, мое сердце заходило в бешеном ритме. Мне было страшно. Так страшно, что схватывало дыхание. Но это был единственный способ выжить и искупить вину отца. Хотя кого я обманываю, его грехи меня совершенно не интересовали. Я не помнила его. Не помнила любви к нему. Он был никем.

– Знаешь... – Задержав дыхание, я остановилась посреди шага и взяла Рэби за руку.

– Эй, ты чего? – поинтересовался он, маскируя свою растерянность под шутливым тоном.

– Помоги мне, – впервые в своей жизни попросила я о том, что этот мужчина делал для меня, не спрашивая дозволения, целых пятнадцать оборотов, – помоги мне принять огонь, Рэби.

Мужчина слегка улыбнулся, отчего вокруг его глаз расцвели лучики морщин, кивнул и сжал мою руку в ответ:

– Глупая девчонка, огонь никогда не покидал тебя. Это ты прячешься от него за иллюзией, что пламя живет лишь в свечах и каминах. Я же говорил тебе. Но я понял тебя. Если ты правда готова, я помогу.

– Не знаю, готова ли, но это уже необходимость.

Стоило нам приблизиться к воротам храма Двенадцати, как я замерла. Конечно, я была настроена решительно, но как повлиять на то, чтобы Верховный настоятель согласился на размещение Рэби, я не знала. И все же... Не успела я додумать эту мысль, как за меня перешел к действиям Рэби. Он просто открыл дверь и вошел.

– Ну конечно, вот и решение, – пробормотала я, ступая следом за ним и мысленно готовясь к тому, как буду вести себя с теми, кто все же решит нас притормозить.

– Ну ничего, мне нравится, – пробормотал Рэби, с интересом вертя головой. – Цветочки, все дела, – сведя руки за спиной, продолжал бормотать он, решительно продвигаясь вперед по тропинкам.

К моему удивлению, никто не спешил нас остановить или с позором выставить прочь.

– А кормят как? – Он посмотрел на меня. – Это важно, чтоб ты знала. Я много ем не потому, что не могу совладать с собственной утробой, просто, когда я голодный, это может быть опасно.

– Ну конечно, – фыркнула я.

– Да правда! – возмутился он. – Голодный эле-менталь – грустный элементаль, а значит, переходящий на подножный корм в прямом смысле слова. Мне нельзя расстраиваться!

Не выдержав, я все же засмеялась. Казалось, с нашей последней встречи прошел год. Так хорошо было вот так прогуливаться с ним.

– Хороший аргумент, Рэби!

Мы неспешно шли по цветущим аллеям храма Двенадцати Парящих. Время было позднее, нас окутывал свет заходящего солнца, аромат разогретых за день цветов и нежный теплый ветерок угаасающего дня. Стрекот цикад казался удивительной мелодией неизвестных музыкантов.

Мы уже подошли к общежитию, в котором мне выделили комнату, как я невольно сбилась с шага. Спиной к нам стоял тот, к кому, должно быть, нам стоило обратиться в первую очередь, приходя сюда вдвоем. Ис Тарой, облаченный в уже привычное белоснежное кимоно, обернулся, словно почувствовал наше приближение. Верховный эвей слегка улыбнулся и неспешно двинулся к нам навстречу.

– Рэби, это... – попыталась я предупредить, но он поспешил успокоить меня.

– Я не слепой, Ив. – Верховный настоятель встал напротив нас. – Юная Игнэ. – Он кивнул мне и тут же обратил свой взор на Рэби. – Духи не частые гости в наших стенах, – вкрадчиво сказал он. – Но желанные...

– Еще бы, – без всяких формальностей усмехнулся Рэби, что несколько озадачило меня.

Верховный не казался удивленным или разозленным нашим вторжением, хотя этот водяной дракон в принципе никогда не выглядел злым, разве что немного пугающим. Они, улыбаясь, смотрели друг на друга, а я чувствовала себя полной идиоткой и никак не могла отделаться от ощущения, что они разговаривают между собой на языке, которого я не знала и не слышала.

– Разумеется, – вдруг вслух сказал ис Тарой. – Нет никакой необходимости переживать об этом. Все уже улажено. Собственно, вместо меня помочь с переездом должен был слуга, но пришел ты, и я решил встретить вас сам.

– С переездом? – Пожалуй, это было единственным словом, смысл которого я отчетливо уловила.

– Конечно. – Мужчина кивнул. – Все послушники, что готовятся стать частью Нити Жемчуга императора, живут в отдельном корпусе. Вы были там этой ночью...

Я продолжала слушать ответ Верховного, ощущая, как мое лицо стремительно краснеет. Хищный прищур глаз Рэби этому лишь способствовал.

– М-м, – выдавила я из себя, стараясь не замечать хитрых глаз иса Тарона и злобного прищура Рэби, – да, там ничего. Надо бы вещи собрать...

– Все уже перенесли. Что ж... – Ис Тарой вновь посмотрел на Рэби. – Храм принимает тебя.

Путь к новому месту не занял много времени. Жизнь моя стремительно менялась, как могло показаться, непременно к лучшему. Ведь сложно поспорить с тем, что теперь я буду жить в корпусе для будущих первых лиц империи, сидеть за одним столом с будущим императором, общаться с сильными мира сего на равных... Вот только меня не покидало ощущение, что все это попало ко мне в руки незаслуженно, по странной воле случая, и не более того. Я не привыкла к чудесам и везению, и любая перемена «к лучшему» в моем случае имела обычно второе дно.

Корпус Двенадцати стоял особняком от других корпусов и находился на равном удалении от храма и любого из учебных корпусов. Стоя перед входом в здание, которое утопало в зелени лиан и листов деревьев, я не могла не отметить, что все эти разговоры о равенстве, как выяснялось, на деле не более чем разговоры. Кто-то из учеников все же равнее... И теперь я одна из них. Это было забавно. Здание отличалось еще и тем, что у каждого из тех, кто должен здесь жить, был личный вход, а сам корпус имел форму круга. Найти мою дверь не составило труда: знак Радави, выгравированный на ней, невозможно было пропустить. Стоило мне прикоснуться к ручке двери, как символ приветственно полыхнул, а дверь податливо отворилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.